

НИКИТСКИЙ
КЛУБ

Цикл публичных дискуссий
«Россия в глобальном контексте»
Выпуск 119

«ЧТО ЕСТЬ ИМПЕРИЯ?»

МОСКВА ■

2022

Н62

Никитский клуб
Цикл публичных дискуссий.
«Что есть империя?»
Выпуск 119 — М., 2022 — 46 с.

Тема обсуждения «Что есть империя?» возникла в продолжение предыдущего заседания Никитского клуба, посвящённого 350-летию первого Императора Всероссийского Петра I, во время которого часто возникал вопрос: что же такое империя, империя по сути? За последнее десятилетие слово «империя» приобрело негативную коннотацию. Но для того, чтобы делать гадости в мире, совершенно необязательно быть империей, исторических примеров тому достаточно. *«Что есть империя? Каждый народ мира стремится создать свою культуру, свою государственность и, наконец, свою империю. Если он этого не делает, то не потому, что не хочет, а потому, что не может. Или потому, что понимает недостаточность своих сил. Оценивать это свойство с моральной стороны нет никакого смысла: оно проходит красной нитью через всю мировую историю»* (И.Л. Солоневич. Народная монархия).

Заседание
«Что есть империя?»
27 сентября 2022 года

Участники обсуждения:

Бортко Владимир Владимирович, режиссёр, сценарист, народный артист России

Булдаков Владимир Прохорович, старший научный сотрудник Центра изучения новейшей истории и российской политологии Института российской истории РАН

Горелик Александр Семёнович, эксперт по международным организациям

Иванова Наталья Ивановна, руководитель научного направления отдела науки и инноваций ИМЭМО РАН, доктор экономических наук, академик РАН, профессор

Мазурик Виктор Петрович, доцент кафедры японской филологии ИСАА (МГУ имени М.В. Ломоносова), кандидат филологии

Миркин Яков Моисеевич, заведующий отделом международных рынков капитала ИМЭМО РАН, доктор экономических наук, профессор

Перов Максим Вениаминович, научный руководитель ИТП «Урбаника», профессор МААМ (Международная академия архитектуры)

Привалов Александр Николаевич, вице-президент, председатель Совета Никитского клуба, кандидат экономических наук

Рахматуллин Рустам Эврикович, москвовед, эссеист, страновед

Силаев Николай Юрьевич, ведущий научный сотрудник Института международных исследований МГИМО (Университет) МИД России, кандидат исторических наук

Тамбовцев Виталий Леонидович, главный научный сотрудник экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор экономических наук, профессор

Черниговская Татьяна Владимировна, директор Института когнитивных исследований СПбГУ, доктор филологических и доктор биологических наук, член-корреспондент РАО

Экштут Семён Аркадьевич, заместитель шеф-редактора журнала «Родина», историк, писатель, доктор философских наук

Заседание ведёт **А.Н. Привалов**

А.Н. Привалов

Добрый вечер, господа! Тема нашего заседания сегодня: «Что есть империя?». За последнее десятилетие, особенно в либеральных и околлиберальных дискурсах, слово «империя» приобрело отчётливо негативную коннотацию, что, на мой вкус, не совсем правильно. Для того чтобы делать гадости на глобусе, совершенно необязательно быть империей.

А.Н. Привалов

Среди наиболее памятных гадостей новейшего времени — история бельгийского владычества в Конго. До сих пор все, кроме самой Бельгии, которая Леопольду II памятник держит на центральной площади, все остальные помнят, что это была за радость. Но ведь Бельгия ни секунды не была империей. Чтобы учинить даже остающееся в веках злодеяние, империей быть необязательно. А для чего лучше быть империей? Какая от пребывания в имперском статусе есть польза? Польза есть довольно простая: доступный тебе масштаб плодотворных ресурсов. Возвращаясь к Бельгии: резню в Конго она устроила, а чем добрым она отличилась на мировой арене, за что её помнят? При всём гигантском уважении к Эмилю Верхарну, к Сезару Франку, к вишнёвому пиву — особенно вспомнить нечего. Всерьёз запомниться маленькому народу трудно или невозможно. Они остаются если не фигурами без речей, то персонажами массовки. И это сказывается на всём, в том числе на масштабах культурной сферы.

Я не пытаюсь заступиться за слово «империя», оно в этом не нуждается. Я пытаюсь понять, что следует из того, как мы этим словом пользуемся в наших разнообразных разговорах о текущем и прошедшем времени. Второе сегодняшнее сообщение сегодня будет называться «А если мы не империя?». Вполне естественное сомнение. Многие так полагают, потому что каждый раз, ну не каждый раз, но в девяти случаях из десяти, когда поносят нас за имперские амбиции, нас поносят ровно за то, за что одновременно хвалят наших оппонентов. Речь тут идёт не столько о сути имперскости, сколько о том, кто кому нравится.

Чего ждать? Ждать, наверное, больших и трудных событий. Если началось очередное действие Большой Истории, оно быстро не закончится и мелкими подвижками не ограничится. О том, для чего существуют народы, есть масса разных воззрений. И мне, например, чрезвычайно симпатично такое простое воззрение, что если народ действительно для чего-то существует, если это не мнимость, придуманная от безделья досужими умниками, то народ существует для того, чтобы пытаться добыть, утвердить, укоренить своё бытие, своё бессмертие. Народ пытается создать свою историческую сущность, вечность. И если ему это удаётся, ему удаётся это в форме империи. И если эта империя потом кончается, народ всё равно ставит памятник Чингисхану посреди Улан-Батора, потому что историческое бытие было там. Хорошо это или плохо — не нам судить. Это ни хорошо, ни плохо, это так.

Первым сегодня выступает Рустам Рахматуллин. Он нам расскажет про апологию империи. А, вы договорились поменяться? Как скажете! Вас всего двое, поэтому перестановок может быть только две. Итак, начинает Николай Юрьевич с сообщением на тему «А если мы не империя?».

Н.Ю. Силаев, ведущий научный сотрудник Института международных исследований МГИМО МИД России

Говоря «империя», люди подразумевают самые разные вещи. Здесь есть несколько проблем. Во-первых, значение самого термина исторически менялось. Во-вторых, здесь есть извечная проблема: категория аналитическая или категория политической практики? В данном случае империя выступала в качестве категории политической практики на протяжении многих столетий, если не сказать тысячелетий. И отделить нынешнюю империю как аналитическую категорию от тех многочисленных напластований, которые за эти тысячелетия возникли, бывает очень сложно.

Н.Ю. Силаев

Лет сорок назад казалось довольно очевидным, что в какой-то момент в Европе возникли национальные государства, возникла идея национального суверенитета, впервые в наиболее полной форме осуществлённая Французской революцией. Затем,

по мере индустриализации, возникла потребность в массовом образовании, возникла потребность в призывной армии. И благодаря этому возник национализм, возникли национальные государства как некий антипод империи.

Проблема в том, что рассматривать империю как антипод национального государства не вполне верно, потому что все те или по крайней мере многие из тех, кто сами себя называли империей, кого другие называли империей, в какой-то момент проходили период того, что можно было бы назвать национализацией. То есть формирование того же самого национализма — который, казалось бы, принадлежность национального государства, буржуазного государства — в ядре империи.

И здесь Российская империя — наиболее яркий пример. Кстати, и Советский Союз, хоть он и не называл себя империей, тоже очень яркий пример. С одной стороны, вроде бы национальное государство — это антипод империи, противоположность империи. С другой стороны, именно в империях возникают те элиты, возникают те культурные умственные движения, которые создают многий-многий национализм. То есть это «тюрьма народов» или «колыбель народов»? На самом деле выясняется, что скорее колыбель.

Следующая проблема заключается в том, что можно, конечно, рассуждать, как это любили делать до недавнего времени наши историки, о том, что есть принципиальная и устранимая разница между империями с заокеанскими колониальными владениями и империями, которые таких владений не имели. И действительно, то, как эксплуатировала свои колонии Британская империя, и как Российская, да хотя бы и Османская империя свои окраины эксплуатировать не смогла (это не значит, что не пыталась), — это можно считать важным показателем.

Но есть два важных обстоятельства. Во-первых, способность извлекать прибыль из подконтрольной территории — это способность капитализма? Или это способность определённого типа империи? С одной стороны. С другой стороны, есть исследования, которые показывают — Джеймс Скотт [американский антрополог и политолог] об этом, в частности, пишет, — как технологии бюрократического управления, возникшие в колониях, для того чтобы извлекать из них прибыль, постепенно переходят в имперское ядро и начинают использоваться там. Более того, выясняется, что в общем такие технологии характеризуют не тот или иной тип империи, а, скорее, государство вообще.

Джеймс Скотт — известный анархист. Его представление, его теория по поводу мировой истории заключается в том, что на периферии государств всегда существовала периферия безгосударственная. И эта безгосударственная периферия — не столько предыдущая стадия развития человечества, сколько реакция на то давление, ту эксплуатацию, которая осуществлялась в ядре государств. Отсюда очень многие такие типичные, встречающиеся в очень разных регионах мира, начиная от Балкан, заканчивая Юго-Восточной Азией, приметы образа жизни в горах с небольшими родственными коллективами, с очень разнообразным хозяйством, с высокой замкнутостью. То есть он это всё описывает как способы, при помощи которых люди уходили именно от государственной эксплуатации.

С другой стороны, ведь мы часто любим в России говорить о том (это чуть ли не с Карамзина началось), что ни один народ не исчез в Российской империи. А в Советском Союзе исчез, было дело. Мы говорим о нашей терпимости, в том числе

веротерпимости. Мы говорим о нашей способности инкорпорировать разные культуры, разные сообщества, основанные на этих культурах. Мы говорим об открытых карьерах для людей иной культуры в Российской империи. В действительности же, пусть это прозвучит и не очень для нас лестно, но это свойство почти любого большого государства.

Мощь большого государства в доиндустриальную эпоху основывается на земле и на людях. Способность привлекать людей, способность инкорпорировать людей разных культур — это также и забота о мощи государства. Поэтому для очень многих государственных, именно государственных, традиций такие свойства, как терпимость, открытость элиты, гибкость культуры, — очень характерные. И что-то подобное мы можем сказать и про Османскую империю, и про Великих Моголов, и так далее.

Следующее, о чём я хотел бы сказать: в какой степени имперскость — нечто, задаваемое извне. В какой степени имперскость осуществляется, возникает в области внешней политики, в области международных отношений. На мой взгляд, к этому как раз относится вопрос: а если мы не империя? Здесь, на мой взгляд, очень важно избегать представления о какой-то предопределённости. Я поясню, что имею в виду.

Лет ещё, наверное, двадцать пять назад в России была популярна (в некоторых кругах остаётся популярной до сих пор) геополитика, которая в какой-то момент претендовала на статус научной дисциплины. Этот статус она так и не получила, но во всяком случае претендовала на объяснение международных отношений, прибегая к каким-то очень фундаментальным и неизменным факторам вроде географии, вроде численности населения и прочее. И в России возник — на мой взгляд, недооценённый и в России, и на Западе — спор между геополитиками. Я говорю о полемике вряд ли прямой, но полемике очень важной и содержательной между Цымбурским и Дугиным.

Логика Дугина состояла в том, что Россия может существовать как великая держава, как влиятельный и в полной мере суверенный мировой игрок только в тех границах, в которых существовала Российская империя или Советский Союз. Понятно, что все геополитики очень любят карты с низким разрешением, поэтому я сейчас не говорю о конкретной линии границы. Я говорю о том, что для него был принципиален контроль над российской периферией.

Логика Цымбурского заключалась в другом. Он, конечно, не стал развивать именно эту тему, потому что в своих поздних работах он скорее был исследователем геополитических учений, а не таким внешнеполитическим проектировщиком. Он говорил о том, что возвращение России к границам XVII века, произошедшее после распада Советского Союза, открывает некоторые новые возможности. Он говорил о том, что Россия, будучи сухопутной страной, казалось бы образцовой сухопутной страной, может проводить островную политику благодаря тем, как он их называл, «сухопутным проливам», которые у неё существуют с другими крупнейшими центрами силы. Он говорил о таких проливах в Восточной Европе, на Кавказе.

И действительно, если посмотреть на нашу внешнюю политику последних десятилетий, то мы увидим очень любопытную, на мой взгляд, закономерность. Те страны, державы средней величины, с которыми мы, будучи Советским Союзом, граничили, я говорю в первую очередь, например, об Иране и Турции, — с этими странами наши

отношения стали гораздо лучше, с тех пор как мы перестали быть империей. Именно потому, что возникло какое-то пространство между нами. И в силу существования этого пространства ни мы от них не ожидаем, ни они от нас не ожидают прямой и непосредственной агрессии.

А как это развивается в реалистской теории [теории политического реализма] международных отношений, — я говорю в первую очередь о Стивене Уолте [американский политолог], — именно непосредственное соседство чаще всего и вызывает наибольшее напряжение в отношениях между странами. Страны действительно могут создать друг для друга серьёзную угрозу, экзистенциальную угрозу, если они являются соседями.

В этом смысле то, что соседями мы со многими странами быть перестали, создало совершенно новую ситуацию в нашей внешней политике. И я полагаю, что сирийская операция с этой точки зрения была примером как раз той самой островной внешней политики, о которой писал Цымбурский. Операция на удалённом театре военных действий в тесном партнёрстве с региональными союзниками. И, что тоже важно, без создания каких-то постоянных и устойчивых блоков.

Надо сказать, что Цымбурский хорошо понимал, что его геополитическая теория, его геополитический проект, если так угодно, полемизирует с дугинским. И, как вспоминает один из знавших его исследователей, он опасался, что в случае обострения ситуации на Украине — это победа дугинской теории, а не его теории. Потому что тот сухопутный пролив, о котором он писал, исчезает.

Тем не менее что я хотел бы здесь подчеркнуть? Я хотел бы подчеркнуть открытость для разных возможностей разных политических проектов, которые могут быть обозначены словом «империя». Потому что в действительности ведь Цымбурский говорил о границах XVII века. Но на самом деле момент, когда на европейской границе России возникли прочные и значительные центры силы, всё-таки произошёл позже, чем в XVII веке. Тот сухопутный пролив, о котором он писал, или фронтир, закрылся гораздо позже, чем в XVII веке, просто в силу возникновения новых центров силы, например таких, как Пруссия в Европе.

И последнее, о чём я хотел сказать. В последние годы мы много говорим о Евразии. Понятно, что тоже вкладывая в это слово самые разные смыслы, в том числе и сугубо идеологические. Но я хотел бы обратить ваше внимание на то, что Российская империя — я сейчас не говорю о том моменте, когда она приняла это самоназвание, а Российская империя как крупное государство — в этой части мира была порождена очень важным историческим поворотом. Поворотом, связанным с созданием и с широким внедрением огнестрельного оружия. Потому что именно огнестрельное оружие позволило прекратить те очень долгие колебания между континентальными государствами и кочевниками, которые происходили по всей Евразии на протяжении тысячелетий. Именно огнестрельное оружие позволило государствам, оседлым государствам, окончательно решить этот спор в свою пользу. И окончательно устранить ту угрозу разрушения, которой они ранее всегда подвергались. Я сейчас говорю не о Западной Европе, а именно о Евразии.

Но огнестрельное оружие повлекло за собой и другие изменения. Его создание и внедрение требовало колоссальных ресурсов. Значит, оно требовало создавать большие государства. И дальше всё стало развиваться по принципу «деньги к

деньгам». Если у вас есть большие ресурсы, вы можете создать более сильную армию. Более сильная армия принесёт вам новую землю и новых подданных, которые обеспечат вам ещё большие ресурсы. И мы можем заметить, что в тот период, XVI–XVII века, в Евразии возникло несколько крупнейших государств — таких как Россия, как Османская империя, как Сефевидский Иран, империя Великих Моголов, таких как, кстати, и Китай.

И что мы наблюдаем сейчас, когда, казалось бы, всё поменялось, произошла индустриальная революция, Запад вырвался вперёд на два столетия благодаря индустриальной революции, подчинил себе в той или иной степени большую часть мира? Мы видим, что в современной международной политике в Евразии возвращаются те же самые игроки, которые появились там благодаря технологической революции, связанной с огнестрельным оружием. Конечно, ситуация совершенно несопоставима с тем, что было 4–5 столетий назад. Но она, на мой взгляд, показательна вот в каком отношении. Она говорит об устойчивости больших государств, она говорит о той инерции, которую они набирают и которая позволяет им выживать на протяжении очень длительных исторических отрезков.

Эта ситуация напоминает нам о том, что момент господства Запада в мировой истории уникальный. И далеко не факт, что он обречён повторяться. Это говорит нам о том, что те ключевые партнёры, с которыми нам предстоит иметь дело дальше, наши внешние партнёры, наши международные партнёры, — это те же самые империи, которые возникли когда-то на этом пространстве одновременно с нами.

И последнее. Я надеюсь, что Рустам Эврикович внесёт какую-то терминологическую ясность в то, что я говорил по поводу империи. Я бы сказал вот что в качестве, может быть, итога. Говоря об империи, говоря об имперском характере России, я полагаю, что нет смысла обращаться к общественным наукам, к историкам, потому что для меня это слово сейчас означает не столько аналитическую категорию, которая может быть использована в исследовании, сколько категорию политического проектирования. И я призываю смотреть на имперскость как на категорию политическую, как на категорию идеологическую. И наполнять эту категорию тем содержанием, которое нам сейчас необходимо. Большое спасибо.

А.Н. Привалов

Спасибо, Николай Юрьевич. Вы знаете, на каком-то этапе вашего сообщения, а именно тогда, когда вы рассказали, как изобретение пороха и пули сформировало устойчивое государство Евразии, я подумал: какое счастье, мы все какое-то время играли в «Цивилизацию» Сида Мейера, как мы всё себе это хорошо представляем! А потом, когда вы вышли на соображение о том, что есть всё-таки устойчивые образования, которые, невзирая ни на что, выплывают и выплывают, я понял, что Сид Мейер далеко отстаёт от Господа Бога. Вот этого у Мейера в игре нет, этого он не умел.

Как у нас принято, мы вопросы задаём всем докладчикам сразу, поэтому без перерыва на вопросы предоставляю слово следующему докладчику. «Апология империи» — прошу, Рустам!

Р.Э. Рахматуллин, эссеист, москвовед, страновед

Добрый вечер. Постараюсь дать только ответы на вопрос, заявленный в теме заседания, «Что есть империя?». Хотя у меня уже возникли вопросы к Николаю Юрьевичу. Вообще рассчитываю, что мы этого «слона», империю, ощупаем с разных сторон именно в вопросно-ответной части, потому что никакое сообщение не может такую тему до конца раскрыть, тем более закрыть.

Р.Э. Рахматуллин

Те, кто готовились к теме, начали, возможно, с толковых словарей и энциклопедий. В результате поиска сразу находим около пятнадцати определений. Сам обычно начинаю с Даля. Но тут Владимир Иванович как-то разочаровывает, говоря: «Империя — государство, которого властелин носит сан императора». Работать с таким определением нельзя. Мы же понимаем, что есть империи королей, султанов, шахиншахов, царей, даже эмиров и великих князей. И даже республик.

Например, Витовт Великий чем не император? Хотя не получил даже королевскую корону, умер великим князем Литовским. Иван III, конечно, первый наш император, по моему убеждению. (Это и к предыдущему заседанию клуба, когда говорилось, что империя начинается, когда государь называет себя императором. Ну нет, конечно.)

Больше всего мне понравился подход Брокгауза нашего и Ефрона [«Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона»]. Они не дают определение, а разбирают римский термин, его значение. И так же поступает наш современник, известный латинист Алексей Игоревич Любжин, в публикации 2004 года (журнал «Россия в глобальной политике»). *Империй* или *imperium* — это собственно власть, власть римского народа. Существовало даже выражение: «империя римского народа». Этот *империй* можно представить как-то зрительно — в виде некоего символа власти, передающегося из рук в руки. *Империй*, доля власти, может быть дан центральному чиновнику, префекту провинции, завоеванному народу, наконец, императору. Может быть узурпирован. То есть имперцем является народ. А олицетворяющая этот народ персонификация есть функция от имперства народа. Будь то шахиншах или великий князь.

Для определения империи не годятся сложносоставные конструкции, в которых придаточные предложения представляют собой не что иное, как оговорки. Если мы не можем уложить формулировку в предложение много короче толстовского, значит, определения мы не нашли.

Предложу такое: **империя есть власть народа над народами**¹.

Можно смягчить. Тем более, что в таком определении отрицательная коннотация, о которой сказал Николай Юрьевич, проступает. Учитывая, что империя, как мы теперь знаем, может действовать мягкой силой, смягченная формулировка звучала бы так: **империя есть власть народа в народах**. Элементы такой имперской власти, её мягкой силы могут, как мы понимаем, проникать в другую империю.

Слово «народ» в этом определении хочет для себя какого-нибудь прилагательного. Например: «...власть большого народа...». Но это будет неверно. Юго-Западная Русь подчинилась малому народу — болотной языческой Литве. Многочисленные китайцы подчинялись меньшим имперским силам с севера. Поэтому я бы остановился на приведенных рабочих формулировках.

Из уважения к империям Востока, часто более древним, чем в Европе, можно рассмотреть слово «шахиншах» и свести определение к двум словам: **«Империя есть царство царств»**. А император — царь царей. Но это скорее литературно, чем научно. Поскольку дальше приходится разбирать слово «царство» — а если княжество? а если королевство?

В продолжение своего сообщения хотел бы различить типы империй, о чём уже говорил Николай Юрьевич. Не сводя к оппозиции или ряду «империя — национальное государство».

Например, что такое «федерация»? Есть ли в ней имперский народ? Если у федерации есть имперский народ, то федерация есть псевдоним империи. Какой может быть федеративный договор у федерального центра с Брянской, Ивановской или Липецкой областями? Которые даже не были губерниями, а образовались в советский период и не соответствуют старым княжеским землям? Спрошу иначе: почему разграничение полномочий между центром и губерниями называлось федеративным договором? Почему в названии государства «Российская Федерация» Россия оказывается прилагательным? И тут же, в Конституции, говорится, что наименования «Россия» и «Российская Федерация» равнозначны. Но на титуле Конституции «золотом по бархату» вытиснено: «Российская Федерация». И повсюду на письме постылая аббревиатура «РФ».

Можно вспомнить Боливара, которому не удалась латиноамериканская империя. Тут я совсем не специалист, но, видимо, в отсутствие Испанской империи в Латинской Америке исчезает имперский народ. И даже федерация Великая Колумбия распалась. И до сих пор в пределах одного культурно-исторического типа, латинской испаноязычной Америки, не получается империя. Лишь боливарианская мечта живёт.

Отставляя в сторону вопрос о федерации, хотел бы ввести несколько рядов терминов.

Ряд первый. Почти не вижу на современной карте национальные государства. Вижу империи и нечто кроме. Это «нечто» легче описать через термин «имперское сознание». Есть сознание имперского центра — и сознание имперской периферии.

¹ Здесь и далее выделено автором.

Государства или народы с таким или другим сознанием. Вторые ищут господина. Называть ли их национальными государствами? Если в течение сегодняшнего вечера вы найдёте национальные государства, не ищущие господина, прошу сообщить. Мы видим, как прямо сейчас из нейтрального статуса выходит молодое государство Финляндия и старая, латентная империя Швеция. Если, конечно, нейтралитет равен национальному государству. Поэтому предлагаю разграничивать **центровое и периферийное имперское сознание**.

А для того, что традиционно называется «национальным государством», но не является таковым, нужно имя. Это не «субимперия» — слово, которое уже применяется в отношении «малых» империй, образующихся на выходе из больших. Какова, например, Грузия. Если держаться латинского корнесловия, предложу термин **«проимперское государство»**. Он описывает и ту ситуацию, когда страна уже ушла под империю, и ту ситуацию, когда она в поиске.

А чтобы решительнее отличить действительно национальное государство от проимперского, можно использовать латинский корень «экстра». **Экстраимперское государство** есть то, которое не нуждается в империи.

Итак, государства делятся на **имперские, проимперские и экстраимперские**.

Второй ряд терминов нужен для различения типов империй применительно к традиционной классификации исторических эпох: Античность, Средние века, Новое время.

Конечно, можно определить античные империи как политеистические [дохристианские] или просто языческие. Но относится ли это к существу их описания? Во всяком случае, их нельзя считать безыдейными. Например, *Pax Romana* — это идея. Идея мира в значении покоя, отсутствия войны. «Мир» через «и», не через «і». Именно слово «мир» образует знаменитый русский анаграмматический оборот со словом «Рим». Рим есть мир. Тихое безмолвное житие во всяком благочестии и чистоте. Так что нельзя назвать всякую, а меньше всего римскую, античную империю безыдейной. Но за неимением лучшего термина пусть она будет **политеистической**, хотя тут мы переходим из латинского корнесловия в греческое.

Средневековая империя — самая важная для понимания имперского принципа вообще и русской империи в частности. Для Европы и исламского мира это **монотеистическая** империя. Латынь называет её **сакральной** — *sacrum*. Термин применяется к Священной Римской империи германской нации, но мы вправе говорить о каждой империи Средневековья как о сакральной. В частности, Римская империя при Константине меняет санкцию, можно сказать — воцерковляется. Мотивируется не просто идейно, а по отношению к истине. Средневековая империя исходит из той мысли, что если истина одна, то и власть над миром должна быть одна.

Едва ли идея истины — античная идея. «Что есть истина?» — недоумеает античность в лице Пилата.

Конкурирующие представления об истине, а не только геостратегия, ведут к столкновениям средневековых империй.

Нововременскую империю я бы назвал **секулярной**. Это когда сакральные мотивы вытесняются геостратегическими или просто колониальными.

Сакральная империя Московского царства превращается в Петербургскую империю. Когда она входит в Прибалтику или в Среднюю Азию, — она, по-моему, выходит за пределы своей сакральной задачи. Поскольку ответственность Российской

империи — восточно-христианский мир. Экспансия в Среднюю Азию ощущалась как колониальная, а не сакральная. Балканская серия Верещагина отличается от туркестанской, как понимание от непонимания. На Балканах он писал освободительную миссию, а в Туркестане — жертву русского солдата, голый ужас войны и местную экзотику. Император обижался на непонимание, хотя у Верещагина не было государственного заказа, разве что в скрытой форме генеральских приглашений на войну.

Да, улучшение геополитических позиций важно. Незамерзающее море и прочее. Сегодня, спустя 150 лет, мы начинаем понимать, что имел в виду Александр II, говоря об английской угрозе в Туркестане. Но, повторю, это соображения второго уровня, по сравнению с сакральными мотивами.

Следовательно, есть и **комбинированные империи** — смешение сакрального и секулярного мотивов. Такова и Петербургская империя. А секулярность часто возвращается к языческой античности, и тогда комбинируются все три исторических типа империй.

Скажем, американская империя питается исходно протестантским кафедральным пафосом и стилем. Есть в этом пафосе и стиле также отголоски католического крестоносного имперства. При этом сами ценности теперь меняются «по понедельникам», попросту выхолощены, а настоящие мотивы носят преимущественно секулярный и прагматический характер. Словом, это комбинированная империя. Насколько в ней ещё живёт пафос сакрального, настолько можно назвать её **ревнующей**.

А сакральная империя — ревнующая по определению. Тут мы нашли славянское слово. Комбинированные империи ревнуют, так сказать, остаточо. Это в них осталось от сакральных. Конечно, американская империя ревнива, а не холодна.

Напомню мысль недавно скончавшейся исследовательницы империй Светланы Николаевны Лурье. Девиз империй, сакральных и таких, которые мы только что назвали ревнующими, — «Разумейте, языцы, и покоряйтесь, яко с нами Бог». Это очень точно.

Третий ряд терминов связан с типом экспансии сакральных и ревнующих империй. Держась латинских корней, я бы различил максималистские и минималистские империи.

Максималистская империя, видя, что в мире существуют иные представления об истине, всё-таки навязывает собственное. Выходит за пределы своего культурно-исторического типа. Взламывает границы смежных цивилизаций.

Минималистская империя, не отказываясь от своего представления об истине, останавливает себя на границах цивилизаций.

Полагаю, что **Россия по своей идее есть минималистская сакральная империя**. Но **комбинированная по воплощению, сакрально-секулярная**.

Она есть новая Восточная-римская империя, старающаяся объять границы восточно-христианской ойкумены и удержать себя в этих границах. Но временами и местами выходящая за них по секулярным геостратегическим соображениям.

Впрочем, и по сакральным тоже. Ибо сама граница ойкумены может меняться. Так, в Московском царстве Армянская церковь воспринималась как сугубо еретическая, а в Петербургской империи — уже как близкородственная. После чего судьба армянского народа стала ответственностью Российской империи. То есть православная ойкумена расширилась до ойкумены восточного христианства. Включая Эфиопию

и, вероятно, некоторые страны исламской государственности, в которых крупно представлены восточные христиане. Нынешняя операция в Сирии тому подтверждение.

Когда и если русская империя выходит за пределы ойкумены, она осознает, что действует колониально. Что надевает пробковый шлем. Русский солдат в пробковом шлеме теряет ясность цели.

Толстой полагал, что русский солдат не имеет ясности и на Балканах. Достоевский отвечал, что имеет. Об этом полемика Достоевского в «Дневнике писателя» с персонажами «Анны Карениной», то есть с Толстым.

В итоге задача империи состоит, на мой взгляд, в том, чтобы объединять военным и управленческим контуром свою цивилизацию, культурно-исторический тип. Автор этого термина и этого понимания цивилизации Николай Яковлевич Данилевский не слишком замечал Армению и Грузию как уже интегрированные в состав России, и цивилизация представлялась ему славяно-православной. Но и в этом случае оставалась поправка романо-православных Карпат. В действительности половина славянских народов неправославные, а половина православных не славяне. Это поправка Константина Леонтьева к Данилевскому: византизм, а не славянство. Или Византийское содружество по Димитрию Оболенскому.

Думаю, такое содружество остаётся перспективой Российской империи, несмотря на текущее состояние умов во всех странах византизма. Несмотря на то, что сейчас периферийный империализм, проимперство привели многих из них под чужое, в том числе военное, покровительство, чужой «ядерный зонтик».

В этой перспективе, а равно в ретроспективе хотел бы различить имперские стратегии **завоевания и отвоевания**. Или, если держаться латинских корней в самой известной испанской огласовке, — **конкисты и реконкисты**. Нельзя, на мой взгляд, соглашаться с тем, что Россия — конкистадорская империя. За теми исключениями, о которых я уже сказал. Нет, в силу несчастного положения восточных христиан в Средние века, когда почти все они подпали под внешний суверенитет, — Россия как новый Восточный Рим осуществляла прежде всего отвоевание, реконкисту. Она освобождала собственно русский народ из-под Литвы и Польши, иные народы — из-под Турции и Персии. Это очевидно. Это **реконкистадорская империя**.

Заметьте, что Россия никогда не заказывала культуре апологию завоеваний, апологию конкисты. И у самой культуры это не получалось, в отличие, например, от английской культуры с её «бременем белых». Российская империя заказывала своей культуре апологию освобождения, отвоевания.

Можно перевести на польский, чтобы нашим заклятым друзьям тоже было понятно: это стратегия **вызволения**. Кстати, Польша — конечно, максималистская империя, вполне крестonosная. Кого и что она собирается выволять на Украине и в Белоруссии? Вороновский уезд Гродненской губернии? Двуколоколенные униатские храмы? Католические храмы Волыни в отсутствие католического населения? Да, Галичина — это католики. Можно сказать, русские католики, бывшие русские. Но, выходя за пределы Галичины, максималистская Польская империя явно выходит за пределы культурно-цивилизационного типа. Польша продолжает относиться к русскому Юго-Западу и ко всему православному Востоку Европы как к схизматикам.

Отсюда мост к актуальному: что происходит на Украине? Не далее как сегодня телеграм-публицист «Комиссар исчезает» пишет, что действия России на Украине являются не имперскими, а национальными. На мой взгляд, тут нет оппозиции. Разделённый имперский народ ведёт реконкисту. Если утрачена полнота имперского народа, то его реконкиста — это и национальное, и имперское действие. В том и сложность происходящего.

Одновременно речь идёт о вызволении православия. Как и в период литовских войн Ивана III, как и в период польской войны Алексея Михайловича и Богдана Хмельницкого, и в период разделов Речи Посполитой, — реконкиста имперского народа сопрягается с вызволением православия. Таким образом, нет предмета спора между имперцами и сторонниками национального государства. Если, конечно, не спорить о том, является ли имперцем русский народ.

В завершение картинка именно к этому спору. Два года назад имперцы и «националы» поспорили и перессорились из-за Второй карабахской войны. Сторонники национального государства говорили, что мы ничего не должны нынешним «братушкам». Сторонники империи напоминали, что Армения лежит в поле ответственности Российской империи. Те и другие поссорились насмерть, хотя нельзя утверждать, что Светлана Николаевна Лурье скончалась из-за нападок; возможно совпадение во времени. Она представляла имперскую партию.

Если бы я имел аккаунты и включился в этот спор, то вот с этой картинкой: автопортрет Пушкина из «Путешествия в Арзрум». Пушкин скачет в бой за армян:

Думаю, что это неофициальный герб Российской империи, набросанный поверх архетипических геральдических изображений. Нет змия, но есть стратилат. Лидер национальной культуры готов погибнуть за «братушек», прервать свою миссию на взлёте. Этот рисунок — апология Российской империи. Которую, несколько механически суммируя сказанное, можно определить так: **империя России — сакрально-секулярная, минималистская, освобождающая власть русского народа в проимперских народах восточного христианства.**

И последнее. Нельзя исключить из разговора тему Промысла Божия. Решить, империя мы или нет, набросом чёрных и белых шаров невозможно. Если решено превыше нас, что силовой центр восточного христианства находится в России, то так оно и будет. Что, конечно, не мешает человекам идти против рожна.

Большое спасибо.

А.Н. Привалов

Спасибо, Рустам. Завершить сообщение словами про «идти против рожна» — это мудро. Государи мои, настало время задавать вопросы нашим докладчикам. Хотите — каждому отдельно, хотите — всем вместе. Милости прошу! Прошу, Яков Моисеевич!

Я.М. Миркин, *заведующий отделом международных рынков капитала ИМЭМО РАН, доктор экономических наук, профессор*

Какими вы видите контуры Российской империи через 20 лет? Это первое. Второе. Русский народ убывает ежегодно на несколько сот тысяч человек. Как это соотносится с теми контурами Российской империи, которые вы представляете через 20 лет?

Я.М. Миркин (дистанционно)

А.Н. Привалов

Это к кому вопросы, Яков Моисеевич?

Я.М. Миркин

Я думаю, к последнему докладчику. Или как докладчики решат сами.

Н.Ю. Силаев

Сначала про народ. Народ убывает, но народ и прибавляется. Я очень надеюсь, что через несколько дней имперский народ в России пополнится жителями Донецкой и Луганской народных республик, Херсонской и Запорожской областей. Это первое.

Второе. Россия — одна из тех немногих стран, которые смогли добиться некоторого, пусть пока и не очень надёжного, но сдвига от тех демографических тенденций, которые переживает большая часть индустриально развитого человечества. И мы можем прекратить, остановить или по крайней мере замедлить убывание народа России только при условии, что в России будет достаточно сильное государство, которое способно хорошо управлять народным хозяйством и способно обеспечивать в том числе и демографический рост.

Что касается границ, я не очень понимаю, хотя осознавать это горько, как мы будем уживаться с Украиной, если она сохранит свою столицу в Киеве и свой выход к Чёрному морю. Вот такой ответ я на этот вопрос дам.

Р.Э. Рахматуллин

Касательно народа. Думаю, что сакральная или ревнующая империя, во-первых, должна иначе относиться к проблеме деторождения. Это сверх того, что сказал Николай Юрьевич. Во-вторых, хочу обратить ваше внимание, что убывающие народы донныне действуют имперским образом. Прямо сегодня [26 сентября 2022 г.] один убывающий народ с большой вероятностью подорвал подводные газовые коммуникации другого убывающего народа. Или даже нескольких. И, по-моему, это мало скрывается. Говорят, сегодня в семь вечера там уже награждают каких-то ныряльщиков...

Я.М. Миркин

Простите, это не убывающий народ. Это растущий народ. Демографически это растущий народ.

Р.Э. Рахматуллин

Англия?

Я.М. Миркин

Не Англия, а США.

Р.Э. Рахматуллин

Ну, мы сейчас можем в конспирологию уйти, пока у нас нет полной ясности, кто нырял, кто прикрывал, кто разведывал с воздуха и так далее.

Что касается контуров империи. Думаю, само представление об империи как о жёстком контуре не совсем корректно. Тут, скорее, контур и поле. То самое византийское содружество наций — не только контур, но и поле вокруг контура. Болгарское царство лежало вне контура Империи ромеев [Византийской империи], но, конечно, в её поле. Они могли биться между собой, императора Василия прозвали Болгаробойцей, но Болгария осталась частью восточно-римского имперского пространства.

Поэтому на вопрос, как будут выглядеть границы Российской империи, прогностически ответить невозможно, это неблагодарное занятие. Повторю только, что есть контур и поле. Которое имеет выход, например, в Адриатику.

А.Н. Привалов

Ещё вопросы, пожалуйста. Прошу, Татьяна Владимировна!

Т.В. Черниговская, директор Института когнитивных исследований, профессор СПбГУ, доктор филологических и доктор биологических наук

Вот мой вопрос. К нему будет некоторый комментарий, но вопрос мой такой. Действительно ли сейчас можно сказать, что государство — любое, империя или не империя, — что это непременно какая-то такая структура, которая вот как возникла на Земле, так и всегда будет?

Из того, что я сейчас слышала, следует, что каждое, даже очень маленькое, государственное образование на самом деле стремится империей быть. Просто у одних получается, а у других не получается. Но правильна ли вообще сама схема, совершенно не факт. Вспомним Юрия Михайловича Лотмана. У него есть замечательная работа, которая называется «Культура и взрыв». И таким идейным центром этой работы является мысль Лотмана о том, что новое, интеллектуально новое рождается, когда есть диалог, причём диалог жёсткий. Это не должны быть два человека, или две культуры, или две империи, как хотите, которые думают одно и то же, но для красоты сели поговорить. Это должны быть идущие с периферии, я почти цитирую, варвары, которые наваливаются на чужие земли. К примеру, германцы наваливаются на Рим и из этого получается интересная такая «похлёбка».

Т.В. Черниговская (дистанционно)

Так действительно ли империя, или лучше государство, — такая центральная вещь, чего избежать нельзя? И далее: а это всегда так будет? Государства будут всегда? И очень интересно сказал господин Силаев, что есть такие стабильные «облака», которые как были, так и есть, несмотря ни на что, — условно, скажем, Турция. И получается, что мы, в смысле Россия, готовы пожертвовать соседями ради соседей. Возник какой-то буфер — и мы в хороших отношениях с теми, с кем у нас, если бы мы близко соседствовали, хороших отношений не было бы. Бродский вспоминается: «Если выпало в империи родиться, лучше жить в глухой провинции у моря».

Да, но море — возьмём балтийские страны. Они на что сейчас смотрят? Они могли бы влиться во что-то другое. Во что они будут вливаться, кроме Балтийского моря и Ботнического залива? Куда? Они, конечно, могут выстроить стену, как сейчас забор

решили построить между собой и Россией. Дело хорошее, но это всё как-то очень по-детски. Мне кажется, что здесь должна быть какая-то схема другая. Здесь что-то другое происходит.

Это не то что маленькие империи свои шаги делают, чтобы стать большими, а большие в итоге оглядываются — и это удивительно и романтично — на некие такие стабильные, большие образования, существовавшие веками. Это выглядит вполне сказочно в хорошем смысле, что есть такие стабильные места. Но так ли это?

Я понимаю, что моя речь импрессионистическая. Я даже не очень задала вопрос.

У меня есть ещё один вопрос: изобретение пороха и огнестрельного оружия играло ту же роль, которую сейчас играет ядерное оружие? Это то же самое в итоге?

Р.Э. Рахматуллин

Уважаемая Татьяна Владимировна, поскольку это действительно вопрос-выступление, постараюсь вычленить вопросительную часть. Я не говорил, что государства-нации стремятся стать империями. Я сказал, что они стремятся уйти из *под* империи. Назвал их проимперскими в этом значении. Стремящимися под защиту. В этом смысле, как я сказал, не вижу чисто национальных государств. Вижу государства имперского центра — и государства имперской периферии, которые могут только менять для себя внешний центр. В этом смысле балтийские страны, о которых вы сказали, уже его сменили. На вопрос, «куда им бежать», они дали ответ некоторое время назад. Они во внешнем по отношению к нам западном имперском контуре. В терминах сегодняшней нашей беседы — в западно-римском.

Т.В. Черниговская

Это да, но это меняет географическую линию, которую вы прочерчивали. Что вот мы там теперь с турками не так соседствуем, это хорошо и так далее.

Р.Э. Рахматуллин

Наоборот, я говорил, что движение Российской империи, да и Московского царства при Грозном, в немецко-ливонскую, шведскую, датскую Прибалтику было выходом за контур восточно-христианского историко-культурного типа. Со всеми оговорками. С воспоминаниями про Дерпт, который Юрьев. С современными оговорками, касающимися компактного проживания русского народа под Нарвой и в Риге. С этими печальными для нас оговорками прибалтийские страны вошли в западно-римский контур. Началось с того, что ливонцы высадились в Рижском заливе, а полоцкие князья и Псков начали проигрывать им миссионерскую работу среди финских и балтских племён. В результате граница христианских Востока и Запада прошла не естественным образом по морской кромке, а менее естественным — по реке Нарве, по озёрам Чудскому и Псковскому. Образовались и мощные образные константы — противостоящие крепости Ивангород и Нарва.

Если же ваш вопрос состоял в том, что государство может перестать быть империей...

Т.В. Черниговская

Мой вопрос ещё: будет ли оно вообще фигурировать в будущем мире? Вообще государства такие будут? У меня впечатление, что нет. Потому что сети — и социальные, и научные, и экономические, какие хочешь, — они пошли по другим контурам. Вообще не по контурам, а просто сеть.

Р.Э. Рахматуллин

Это немножко анархическое предположение. Я не знаю, как оппонировать анархическому представлению.

А.Н. Привалов

Оно не анархическое, оно глобалистское. Давайте всё-таки не удаляться уж очень далеко от наших тем. Николай Юрьевич, вы хотели дополнить? Прошу вас.

Т.В. Черниговская

Спасибо.

Н.Ю. Силаев

Большое спасибо, это очень интересные вопросы. Центральная ли вещь государство и останется ли оно? Государство в современном мире — это единственная организация, которая может легитимно применять силу. И в этом отношении не очень понятно, куда оно денется в обозримой исторической перспективе. Но в то же время я хотел бы ещё ответить на этот вопрос вот каким образом.

Дело в том, что создание Организации Объединённых Наций несколько запутало дело. Я поясню, что имею в виду. У нас государства на вид все одинаковые. И по международному статусу все одинаковые, если не считать частично признанных и непризнанных. В то же время вроде бы и внутри они устроены примерно одинаковым образом. У всех есть президент или премьер-министр, парламент, судебная система, университеты, армия, полиция и прочее. Но на практике они друг от друга сильно отличаются. И неслучайно, когда-то, лет, по-моему, 40 назад, было придумано понятие позитивного и негативного суверенитета.

Негативный суверенитет — как гарантия того, что тебя не завоюют. А позитивный суверенитет — как способность осуществлять власть на всей территории, на которую распространяется твой негативный суверенитет. И давно было замечено, я сейчас не дам точную библиографическую ссылку, что для огромного количества государств мира с негативным суверенитетом международная система, созданная после Второй мировой войны, действительно достаточно надёжно гарантирует защиту от завоевания. Не вполне надёжно, но достаточно надёжно. В то же время такие государства не способны осуществлять власть на своей территории. Считать ли их такими же государствами, как те, которые свою власть могут осуществлять на своей территории, — это очень большой и сложный вопрос. Могут ли они стать более эффективными — тоже очень большой и очень сложный вопрос. На эту тему много книг написано, но пока никаких рецептов не придумано.

Очень интересный вопрос про порох и ядерное оружие. И да, и нет. Нет в том отношении, что ядерное оружие так и не стало средством вооружённого конфликта, средством вооружённого противоборства. Нет в том смысле, что в отличие от пороха, который... Понимаете, вот в случае с артиллерией порох укрепил государство, укрепил империи, позволил создать империи. В случае с лёгким огнестрельным оружием он, наоборот, демократизировал политические порядки в очень многих регионах мира. В частности, кстати, на Северном Кавказе это произошло в XVII–XVIII веках, потому что там оружие стало более доступным. Про ядерное оружие этого сказать

нельзя, оно недоступно. Но чем оно похоже на порох, так это тем, что обладание им действительно создаёт тот узкий круг великих держав, которые в полной мере обладают суверенитетом и обладают международным влиянием.

Т.В. Черниговская

Спасибо.

А.Н. Привалов

Ещё вопросы. Александр Семёнович, прошу вас!

А.С. Горелик, *эксперт по международным организациям*

Спасибо большое. Для начала скажу, что отличная дискуссия начинается. И она говорит в пользу сейчас непопулярной концепции конвергенции, потому что я себя ощутил будто не на Никитском, а на Изборском клубе. Это, в общем, дорогого стоит.

Два вопроса. Первый вопрос к Николаю Юрьевичу, а буду отсылать вас к вашему визави. Рустам Эврикович сказал, не буду цитировать дословно, но смысл такой: «Я стараюсь танцевать от латинских корней». Когда вы начинали свои комментарии, Николай Юрьевич, вы, на мой взгляд, указывали на совершенно логичную дихотомию, что ли, — имперскость как аналитическая категория и имперскость как категория практическая. С точки зрения категории практической — ссылки Рустама Эвриковича на национальные государства.

А.С. Горелик

В сегодняшнем мире наш латинский — это английский, нравится нам это или не нравится. Национальные государства — это перевод с английского nation state. Не считаете ли вы, что обращаться к реальности национального государства сегодня и танцевать от латинских корней — это неточно, скажем так?

А второй вопрос, Рустам Эврикович, к вам. Хорошая, яркая фраза была, я её записал: «Конкурирующие представления об истине ведут к столкновению империй». Один конкретный исторический пример. Начало Первой мировой войны. Какие

конкурирующие представления об истине привели к столкновению Российской империи, с одной стороны, и Германской и Австро-Венгерской империи, с другой стороны? Спасибо.

Н.Ю. Силаев

Я могу ошибаться, надеюсь, что вы меня поправите, но в английском языке насчитывается чуть ли не 100 тысяч слов латинского происхождения. В этом смысле мы гораздо глубже погружены все в латинские корни, чем, может быть, нам этого хотелось бы. И я бы не противопоставлял так английский как современный международный язык и латынь.

С nation state проблема состоит в том, что это то, о чём я говорил, отвечая на предыдущий вопрос. Что мы одним и тем же словом называем явления, которые могут друг от друга очень сильно отличаться. Поэтому и возникает вопрос: а как же их ещё классифицировать? Потому что мир явно не состоит из однородных единиц nation state. И сами эти nation state совершенно разные. И Рустам Эврикович предложил вполне рабочую классификацию: государственно имперский и проимперский.

Я хотел ещё в своём выступлении подчеркнуть, что противопоставления, жёсткого противопоставления, жёсткого противоречия между национальным государством и империей на самом деле нет. Потому что все империи, которые мы знали, знаем как империи, в своё время проходили период, когда они начинали строить себя как национальные государства. И в этом смысле, даже если мы скажем, что на самом деле это всё национальные государства и нет смысла рассуждать об империи, у нас всё равно останется вопрос: как описать различия национальных государств, которые мы между ними наблюдаем?

Р.Э. Рахматуллин

Изборский клуб представляется мне попыткой красно-белого синтеза или, точнее, красно-белой склейки. Это точно не ко мне. Говоря, например, на сегодняшнем материале: Российская империя всегда была за армян против Турции, а красные сразу встали за Турцию против армян, причём на фоне геноцида. Как из этого сделать красно-белый консенсус — вот этим и занимается Изборский клуб. Не знаю, как.

Про латинские корни. Всё-таки начали с расшифровки латинского понятия, взятого в заглавие нашей темы: «империя». Понятно, что Александр Македонский — царь, басилевс [титул византийских императоров]. Наверное, можно построить дефиниции и на греческих корнях. На фарси, хоть я Рустам, я не смогу продвинуться дальше «шахиншаха».

К слову, думаю, что вернейший признак 350-летней вестернизации нашего образования состоит в том, что все мы можем записать своё имя, фамилию латиницей, например, при оформлении проездных документов на внутренние железнодорожные и авиационные рейсы (не знаете, зачем это?). А давайте греческими буквами попробуем. Кто справится?

А.Н. Привалов

Все, кто мехмат окончил, все справятся.

Р.Э. Рахматуллин

...Про Германию и сакральные мотивы накануне Первой мировой войны. Во-первых, я сказал, что империя Нового времени либо секуляризируется, либо представляет собой смешение секулярного и сакрального мотивов. Конечно, Российской

империи вплоть до катастрофы 1917 года были вняты сакральные мотивы. Она понимала — и ей объясняли Тютчев, Достоевский, Иван Аксаков, — зачем она идёт к Константинополю. Эти мыслители словно бы говорили: «Царьград сейчас упадёт нам в руки, а мы не готовы». Достоевский, Аксаков пытались создать интеллектуальную атмосферу военной кампании. Но империя была, конечно, ревнущей, во многом сакральной. Конечно, восточно-христианской. Она к тому времени создала или помогла создать Грецию, Румынию. Освободила и воссоздала в своем составе Восточную Армению. Теперь она освобождала Болгарию. Это мотивы неовизантийские.

Россия не осталась в Болгарии из либерального, александровского уважения к свободе освобождаемых народов. И тогда, как предвидел Достоевский, эти народы возглавили адвокаты, учившиеся в Париже. Болгария стала парадоксальным образом отталкиваться от России. Но если Турция изгоняется с Балкан, а Россия туда не заходит, — туда заходит германское начало. После этого в Сараеве случается выстрел. Я спрямил, но схема такова. Мост и река в Сараеве лежат буквально на границе двух Европ, двух Римов.

Прежде стоявшая на этом рубеже Турция, напомним, тоже считала себя новым Восточным Римом, это часть титула султана. У османов была своя концепция третьего Рима: сначала Рим был языческим, потом пришёл пророк Иса и Рим стал православным, а потом православные повели себя таким образом, что Рим стал мусульманским.

Ну а защита Сербии Россией была прямым продолжением неовизантизма, восточно-римской идентичности Российской империи. Можно было удержаться от защиты Сербии либо не удержаться, но не предать.

А.Н. Привалов

Спасибо. Господа, я как раз хотел предложить: может быть, мы с вопросами закончим? Я видел, люди хотят говорить. Есть маленький вопрос. Прошу, Виктор Петрович!

В.П. Мазурик, *доцент кафедры японской филологии ИСАА (МГУ имени М.В. Ломоносова)*

Очень маленький вопрос Рустаму Эвриковичу. Скажите, наличие некой сверхценностной миссианской задачи и идеи — это обязательные условия империи? Или империя может сложиться под влиянием давления извне неких объективных обстоятельств? Причём неважно, это сакральная идея или секулярно-ревнущая и так далее.

Р.Э. Рахматуллин

Я упомянул о мессианстве даже античной империи. Рах Августа как покой, умиротворение, а не как ойкумена. Можно поразмышлять, в чём состояло мессианство Александра Македонского. Мне это сложно.

Та же Светлана Лурье пишет о мессианстве Британской империи, которое не сводится к формуле «несите бремя белых». Но средневековая империя как высшая форма империи, начиная от Константина Великого, — именно сакральна. Если определить Средневековье как общее свободное исповедание ортодоксии (здесь каждое

слово важно, особенно слово «свободная»), то, конечно, средневековая империя есть высший род империи.

А.Н. Привалов

Спасибо. У меня уже есть записавшиеся, поэтому я начинаю предоставлять слово для сообщений. Господин Экштут, прошу вас!

С.А. Экштут, заместитель шеф-редактора журнала «Родина», историк, писатель, доктор философских наук

Спасибо большое. Наш разговор напоминает мне известную фразу Сократа, когда его спросили: что такое «прекрасное»? Существует большой диалог Платона на эту тему, который называется «Гиппий большой». В конце диалога Сократ подвёл итог многочисленным рассуждениям фразой «Прекрасное — это трудно». Так вот, империя — это трудно. Тем не менее я попытаюсь изложить некоторые свои соображения по этому поводу, которые заранее я не формулировал, они родились у меня в процессе выслушивания этих двух докладов.

С.А. Экштут

Первое. С моей точки зрения, империя — это всегда округление границ, и это всегда месть за злые обиды. Я напомним здесь известный случай. Осень 1831 года, Александр Сергеевич Пушкин гуляет по Петербургу. Его встречает один приятель и спрашивает: «Александр Сергеевич, а что вы такой грустный?» Пушкин говорит: «А неужели вы не понимаете? Вот я сейчас читаю западные газеты, что сейчас ситуация для России столь же трагичная, как в 1812 году». И в этот момент Пушкин пишет «Клеветникам России»:

*Кто устоит в неравном споре,
Кичливый лях или верный росс?
Славянские ль ручьи сольются в русском море?
Оно ль иссякнет? вот вопрос.*

И когда вопрос был разрешён, а мятежная Варшава была взята штурмом, Пушкин написал стихотворение «Бородинская годовщина», в котором, обращаясь к графу Паскевичу, назвал военачальника так: «могучий мститель злых обид».

Так вот, империя — это всегда месть за злые обиды. Это долгая историческая память об этих обидах. В сентябре 45-го года Иосиф Виссарионович Сталин сказал, что «мы, люди старшего поколения», помним. А только что закончилась кровопролитная Великая Отечественная война. И вот, после того как русские войска взяли Курилы, взяли Порт-Артур, взяли Дальний, Сталин сказал: «Вот теперь наконец мы, люди старшего поколения, можем успокоиться, потому что стёрто чёрное пятно, позорное пятно царской России, потерпевшей поражение в войне с Японией». Для Сталина война с Японией была не только решением каких-то геополитических задач, но и сугубо личным делом. Он рассматривал её как месть Японии.

Я подчёркиваю, империя — это всегда месть за злые обиды. Как только эти злые обиды предпочитают забыть, как только начинают с иронией говорить о «географических фанфаронадах» (именно так расценил пушкинский восторг князь Пётр Вяземский), как только имперские завоевательные ценности начинают выветриваться или подвергаться осмеянию или поношению, — империя заканчивается. Я в данном случае не даю никаких оценок. Я просто констатирую факт.

В тот самый момент, когда Семён Надсон стал писать свои стихотворения, направленные против генерала Скобелева, в тот момент ещё только героя среднеазиатских походов, но не героя Русско-турецкой войны, — в этот момент империя уже стала заканчиваться, уже её конец был очевиден. Это первый момент.

Д.Г. Левицкий. Екатерина II — законодательница в храме богини Правосудия.

Русский музей, Санкт-Петербург (слева); Третьяковская галерея, Москва (справа).

Второй момент связан с некими визуальными образами. Есть знаменитая картина Левицкого, изображающая Екатерину Великую. Но она существует в двух вариантах. Две картины — одна в Русском музее, другая в Третьяковской галерее. Там императрица сжигает маки на жертвеннике и жертвует собой, своим здоровьем ради общего блага. Она олицетворяет верховную власть, но эта верховная власть направлена на

сохранение общего имперского блага, так как она её понимает. Екатерина, которая говорила, что пространство Российской империи требует того, что государь должен быть самодержавен, иначе всё будет очень медленно осуществляться. Здесь нужно быстрое принятие решений, поэтому нужен император или императрица.

Есть другой вариант этой картины. Один хранится в Ульяновском художественном музее, другой в La Vallette во Дворце суверенного Мальтийского ордена. Там Екатерина облачена в доспехи, в руках у неё меч. Меч, правда, в ножнах, но конец этих ножен направлен в сторону черноморского пролива — Босфор, и там, на горизонте — Константинополь.

Д.Г. Левицкий. Портрет Екатерины II.
1787. Ульяновский художественный музей.

На полотне изображена грёза империи — черноморские проливы. Вся Российская империя — это борьба за проливы. Как только Иосиф Виссарионович Сталин осознал себя победителем во Второй мировой войне, он стал требовать от союзников контроль над проливами и стал требовать базу в Средиземном море — территория современной Ливии. Так что империя — это всегда округление границ, пригодных для обороны.

С другой стороны, есть другая ипостась империи, более такая либеральная, более благостная — это Александр I, опирающийся на книгу, на которой написано: «Закон». Вспомните Льва Толстого [«Война и мир»], когда Александр I говорит одному из генералов: «Не могу, генерал, и потому не могу, что он [закон] сильнее меня». Утверждение, что император правит на основании закона и подчиняется этому закону — это, конечно, иллюзия, но империя неотделима от этой иллюзии. Это второй пункт.

А третий пункт — это взаимоотношение империи, её верховной власти, и образованного общества. У нас, скажем, пушкинский период империи был связан с тем, что образованное общество считало, что нужно быть в оппозиции к власти. Тот, кто считал себя образованным или хотел казаться образованным, он считал своим долгом показывать кукиш власти. Потому что, ну как же так, образованный человек — и не в оппозиции к власти! Считалось неприличным поддерживать имперские

устремления власти. Поэтому пушкинская «тайная свобода» выступала прежде всего как антипод империи. И тот, кто поддерживает имперские ценности, подвергается поношению.

В связи с этим границы власти империи не имели никакого предела. Скажем, до 1845 года (тут абсолютно точно можно эту дату назвать) императорская Россия считала себя вправе вмешиваться в любые сферы жизни общества, включая частную жизнь. А в 1845 году в нравственно-политическом отчёте Третьего отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии граф Орлов сказал, что, в отличие от его предшественника, графа Бенкендорфа, который скончался годом ранее, он считает своим долгом не вмешиваться в частную жизнь граждан. Потому что пусть гражданское общество живёт своей частной жизнью так, как оно хочет. Главное, чтобы оно не вступало в открытый конфликт с имперскими ценностями. А что оно там себе думает, что оно говорит у себя в гостиной, — это их дело, пока они не начинают строить какие-то политические козни. Вот это очень важно.

И, наконец, последнее. Империя — это всегда оппозиция имперского центра и окраин. Действительно, с одной стороны, по Бродскому: «Если выпало в Империи родиться, / лучше жить в глухой провинции у моря». С другой стороны, по Некрасову:

В столицах шум, гремят витии,
Кипит словесная война,
А там, во глубине России, —
Там вековая тишина.

По Некрасову, «во глубине России» совсем уже другая ситуация, чем в Питере или в Москве, потому что, как правило, эта глубина, глубинка, эта имперская окраина, она всегда ратует за стабильность. И не очень интересуется имперскими ценностями.

Мне уже однажды приходилось говорить в этом собрании, что, когда я в 2017 году читал газеты 1917 года, я увидел поразительную вещь: после того, как в России произошла Февральская революция, после того, как царь отрёкся от престола, — русская провинция отнеслась к этому очень спокойно и расшатать её удалось только к апрелю 17-го года. А до апреля 17-го года в провинции была вековая тишина.

Империя — это всегда взаимоотношение центра и периферии. И империя — это всегда взаимоотношение центральной власти и национальных элит, потому что империя либо интегрирует эти национальные элиты в свой состав, либо подвергает их какой-то дискриминации. Но в любом случае для национальных элит характерны либо центробежное, либо центростремительное движения, либо борьба тех и других. Наличие этих тенденций предопределяет судьбу империи. Либо империя подавляет национальные окраины и заставляет их идти в своём фарватере, либо они её расшатывают и тогда империя заканчивается. Вот, пожалуй, и всё.

И в заключение я только хочу привести пример из истории математики. До XIX века, когда ещё не было выработано понятий интегралов, дифференциалов, — математики успешно интегрировали и дифференцировали, решали разного рода уравнения. Так и сейчас мы, не выработав понятия, что называем империей, тем не менее удачно, более удачно или менее удачно, этим термином пользуемся и о судьбе империи рассуждаем. Спасибо.

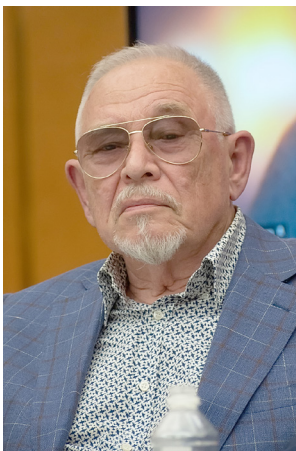
А.Н. Привалов

Спасибо большое. Я всегда подозревал, что гражданское общество у нас создано по мановению из Третьего отделения Его Императорского Величества канцелярии, а вы это подтверждаете, хорошо.

Предоставляю слово Владимиру Прохоровичу Булдакову. Прошу вас!

В.П. Булдаков, *старший научный сотрудник Центра изучения новейшей истории и российской политологии ИРИ РАН, доктор исторических наук*

Спасибо. Я начну с определения. Должен сказать, что определений империи даже не 15 и даже не 115, а несколько сот. И это неудивительно. Если исходить из того, что империя — некое организационно-юридическое целое, то этих самых определений можно сочинить бесчисленное количество.

В.П. Булдаков

Я думаю, этот вопрос уже поднимался, при определении империи надо исходить с другого конца — с понятия культуры. Другое дело, что такое культура? Здесь тоже несколько сот определений. Но лично мне более близким является определение, которое предложил в своё время мимоходом Павел Флоренский: культура — это совокупность энергий. Очень ёмко, очень коротко и очень ясно: самых различных энергий — физических, духовных и прочих, которые сливаются в нечто единое. И вот из этого вырастает империя.

Надо сказать, что мы как-то привыкли, учили нас так, что империи надо поносить. Вы знаете, на самом деле империей восторгались и восторгаются. И тут на этот счёт есть удивительный пример. У древнегреческого историка Полибия империя — это та, которая спасает монархию от превращения в тиранию, аристократию — от вырождения в олигархию, а демократию — в охлократию. Империи только возникли, а уже вот такое определение.

Могу привести более такой любопытный, смешной, можно сказать, пример из собственной практики. В бытность аспирантом мне дали перевести (подрабатывал, ясное дело) текст одного индийского интеллектуала то ли конца XIX века, то ли

начала XX века. Я был потрясён! Естественно, с лёгкой руки Владимира Ильича [Ленина], я был уверен, что империя — это всегда тюрьма народов, это зло, гораздо лучше национальное государство. Что касается этого индийского мыслителя, он пропел настоящий гимн Британской империи — она несёт культуру, она ставит всё на своё место, и слава богу, что мы живём в Британской империи. Вот таким образом обстоит дело.

Что касается меня, если уже говорить о связи империи с культурой, то, конечно, я всякий раз вспоминаю Освальда Шпенглера, о котором сегодня уже говорили. Понимаете, для него империя, если следовать логике его рассуждения, это культура в пассионарной стадии своего развития. Это нечто не количественное, а духовное, качественное. Другое дело, что империя переживает свой взлёт и падение. Империя постепенно устаканивается в цивилизацию — это уже ведёт к угасанию империи.

Но значит ли это, что империя умирает? Если следовать тому же Шпенглеру, то оказывается, что ни одна власть не прибегает к таким, как он выражался, псевдоморфозам и симулякрам, как империя. То есть империя может прикидываться чем угодно. И священной может выступать, может выступать более конфессиональной.

Я думаю, всё дело в том, что всякая империя на самом деле питается верой в самой себя. Если люди верят, что могут как империя осуществить какой-то великий проект, — а к этому, в общем-то, всякий человек так или иначе стремится, — то здесь дело, конечно, идёт к империи.

Теперь что касается ситуации Первой мировой войны, о которой сегодня уже говорили и которой мне приходилось заниматься. Понимаете, мы привыкли толковать её истоки очень простым и примитивным образом — передел сфер влияния, финансовый капитал, и так далее, и тому подобное. Мы совершенно забываем духовное наполнение Европы того времени. А оно было весьма и весьма своеобразно. Мы забываем о том, что мир пережил колоссальную информационную революцию. Произошло то, что позднее Ортега-и-Гассет назвал «восстанием масс», пока что в невидимой такой форме. И не нужно думать, что германский империализм — это нечто по прихоти бесноватого дурного кайзера.

Если взять ситуацию с германской академической наукой перед Первой мировой войной, то вырисовывается довольно жуткая картина. Представьте себе, учёные, крайние позитивисты, люди протестантской культуры, заявляют: всё! время владычества Великобритании закончилось, мы та самая динамичная нация, которая встанет впереди всего цивилизованного человечества! Вот такая ситуация сложилась.

Так что, говоря об империи, на мой взгляд, надо всегда иметь в виду, что это явление лежит внутри человеческой природы. А человек устроен таким образом, что он стремится к доминированию, и не только к доминированию, но и подчинению на известных условиях. И если следовать этому посылу, то, конечно, вне всякого сомнения, империя — это явление вечное. И тут надо иметь в виду, что даже — об этом тоже говорилось, и вполне, по-моему, справедливо, — те нации, народы, этносы, которые ушли из-под одной империи, они тем не менее пытаются мыслить империалистически. То есть в самоутверждении они ищут более слабого. К сожалению, от этого никуда не денешься.

В общем, нравится нам или не нравится, явление «империя», конечно, вечное. В какой форме — этого мы пока не знаем. Можем только надеяться, что когда-нибудь империи примут не столь агрессивный, что ли, вид. Может быть, наступит время, когда империи действительно будут нести культуру в чистом виде, не только в милитаризованном. Спасибо.

А.Н. Привалов

Спасибо. А лев возляжет рядом с агнцем.
Прошу вас, господин Бортко!

В.В. Бортко, режиссёр, сценарист, народный артист России

Здравствуйте, друзья мои! Я получил колоссальное удовольствие от интеллектуальной беседы, которую слушаю уже в течение почти часа с чем-то. Но мне показалось, что это всё чуть в стороне от основных событий.

В.В. Бортко

Как ни странно, мне бы хотелось посмотреть сейчас, что происходит в тюремной камере либо в лагере. А происходит выделение пахана, прежде всего. Это будет всегда и везде! То есть пахан будет здесь главным. На кого он будет опираться? Я бы сказал, на своё ядро, которое здесь есть. Для чего? Для создания лучших для себя условий.

А теперь посмотрим на другое. «А что, друзья, у нас с Гибралтарским проливом? — Это же невозможно просто! Мы задыхаемся здесь! Просто ужасно! Не пора ли нам... — А мы можем? — Ваше Величество, да ещё как! В одну секунду! — Обоснуйте мне. — Они подавляют болгарские народы, они ужасные совершенно. — Да, вот так и напишите!» А в основе-то что? Простая вещь: пролив, только и всего! Так было везде и так будет всегда, при всех обстоятельствах!

Нынешняя война, которую мы сейчас ведём. Угроза для нас — вступление Украины в НАТО, в западный мир, безусловно, здесь думать-то нечего, работать надо. Правда, не очень получается сейчас, но будем надеяться, что будет лучше. Откуда это? По

одной простой причине: чтобы нам было лучше. А они почему? Чтобы им было лучше. А что у нас есть? А у нас богатства есть, вы знаете, и хорошо бы их к себе прибрать. А нам-то что? А надо по мордасам им надавать, чтобы тоже у нас было побольше всего. Всё просто! Империя есть социальная конструкция, опирающаяся на военную силу, — только и всегда!

А вот теперь как мы будем жить при всей этой истории, любой народ, любое государство? На чём основана суть этого? Здесь было правильно сказано: на народе, который посильнее, чем рядом сидящие люди. Посильнее! Россия пока посильнее, вот и всё! А почему нам это дело и не затвердить? Собственно говоря, а империя Александра Македонского? Куда он шёл и зачем? Ребята, пограбить, только и всего. Дошёл до Индии — на том и конец. Царь Дарий: «Слушайте, Ваше Величество, знаете, греки там живут, что-то они затевают не то. — Да?! А мы можем дать им в лоб? — Запросто, Ваше Величество! — Всё, пойдём!» Ну и что?! Мировая справедливость или ещё что-нибудь высокое? Да ничего подобного! Бабки, только и всего. Как и продолжается по сегодняшний день.

Другое дело — жить в империи. Вот это уже очень сложный вопрос. Действительно у моря можно жить, конечно. Где, например? Я абсолютный имперец, до предела совершенно, вызову дикую неприязнь у многих здесь сидящих, — государственный. Но вот о чём я думаю и о чём говорит сын мой. Он говорит: «Слушай, да, сейчас мы отвоёвываем чего-то. Но мы же и теряем! Я теряю! Ведь раньше я мог сделать это и это. Я мог поехать туда-то и туда-то, а сейчас — нет! Это как?» А ведь это его жизнь!

С другой стороны, я тут недавно выяснил, мне стало очень приятно, моя жена провела генетический анализ: оказалось, что мой родственник, извините меня, пожалуйста, — Владимир Красно Солнышко. Рюриковичи мы!

Но почему я это говорю? Наверное, не просто так, по сему. Вдруг я себя ощущаю... Я пытаюсь объяснить это собственному сыну, что я уменьшаюсь. Я уменьшаюсь в размерах — уменьшается мой народ, то есть это я уменьшаюсь. Хорошо ли это? Нет. Тигра, который живёт в Уссурийске, спасают. А меня?! Никто!

И вот это ощущение, что я должен что-то делать, чтобы спасти самого себя! А для этого мне нужно мощное государство. А для этого мне нужна империя, которая опирается на военную силу и, в общем-то, даёт мне возможность сказать: ну ладно, чёрт с ним! пускай плюшек не будет, давай мощными усилиями, может, и будем расти вширь.

Завоевания. Присоединение украинского народа? Что такое украинский народ? Моя мама родилась в Большой Александровке [п.г.т. Великая Александровка, Херсонская область], там сейчас идёт война. Просто пополам разделён районный центр. Мой отец абсолютный, стопроцентный русак. Кем мне себя считать? Да просто тем же русским человеком!

Россия воюет против России сейчас, понятно совершенно. И мы их присоединим! Хорошо или плохо? Так и надо, с моей точки зрения, и мне плевать на другую! И вот это совершенно замечательная имперская позиция, которую я, например, разделяю всей жизнью. Даже при условии, что мы многое потеряли. Да, действительно потеряли! Нет гамбургера, это же нехорошо. Ещё чего нет? У меня машина BMW, как её чинить будем? Плохо. Потеряли, да, но есть высшая ценность! Империя построена

на том, что она должна защищать вот эту ценность — жизнь русского, государствообразующего народа. И я помру за этот государствообразующий народ! Вот что я хотел сказать.

А.Н. Привалов

Спасибо, Владимир Владимирович. Но должен заметить, что ваше выступление вызывает смешанные чувства. Потому что вы же Рюрикович — и вы же просите вас защищать! Вы уж как-нибудь...

В.В. Бортко

Рюриковичи, пропали мы! Нас одолели! Пропадаем просто! (**Смех в зале.**)

А.Н. Привалов

Спасибо большое. Профессор Тамбовцев, прошу вас!

ВЛ. Тамбовцев, *главный научный сотрудник экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор экономических наук, профессор*

Уважаемые коллеги! Я хочу выразить глубокую благодарность сегодняшним выступающим, поскольку они мне живо напомнили, и мало того что напомнили, реализовали одну из идей, которая была у нас в клубе на заседании «Между фантазией и реальностью». Там мы говорили о фантастике как читатели и так далее. А теперь мы встретились с живыми людьми, которые произносили вслух абсолютную фантастику, которая к науке не имеет никакого отношения в принципе. Это специфика так называемой «политической науки».

ВЛ. Тамбовцев

Сказать, что выслушанные сегодня фантастические истории имеют некоторое отношение к науке, всё равно что сказать, что «мы сидим в хижине, которая покрыта соломой». Какие-то признаки, ну такие внешние, я бы сказал, изобразительные признаки, звучат. «Я дам определение» — и звучат выражения типа пятнадцати определений чего-то.

Мы имеем дело с развёрнутой метафорой, за которой никакой науки нет, но есть желание что-то или оправдать, или объяснить, но вне нормальной науки, которая опирается прежде всего на операциональные понятия. Понятия, о которых можно сказать: вот это соответствует понятию, а это не соответствует. Если операциональности нет, то мы не имеем дело с определениями, это метафоры, фантазия и так далее. Всё, что мы слышали от наших замечательных выступающих, которые ввели нас в мир фантастики, ненаучной фэнтези, как раз и заключается в том, что они использовали некоторые слова, похожие на термины, но являющиеся на самом деле метафорами. Я повторяю, это замечательное свойство, присущее тому, что принято называть политической наукой, сегодня реализовано в полной мере.

Что было сегодня услышано мною? Что нас немножко увело из мира фантастики и ввело всё-таки в мир науки? Это то, что было у Семёна Аркадьевича Экштута, который вместо разговора о несуществующих абстракциях, о придуманных абстракциях, таких как «народ», «империя» и так далее, использовал имена совершенно конкретных людей. Вот если мы хотим из мира фантазии и фантастики вернуться в мир реальности, мы должны говорить о людях, которые что-то делают.

Я не буду на этом задерживаться, поскольку никаких людей в докладах не звучало. Я просто хочу привести пример. У кого-то из докладчиков прозвучало, что жизнь империи такая разная, сегодня они растут, потом они куда-то деваются. Если оставаться в мире фантазии и фантастики, то действительно полная какая-то загадка. Как так? Были сильные, а вдруг стали слабые. Чего-то хотели, а вдруг ничего не хотят. Как же так?!

Ответ заключается в том, что империи ничего никогда делать не могут! Единственным действующим лицом является конкретный человек. А люди, во-первых, в течение своей жизни меняются. А во-вторых, одни люди уходят, а другие приходят. И какие придут другие на роль того полководца или кого-то там, императора или генсека, сильно зависит от того, как этот человек развивался в детстве, как он рос, кого читал и так далее. Если это принимать во внимание, если считать, что единственные действующие субъекты — это люди, а не абстракции типа народа, типа империи и прочей фантастики, то тогда многое становится гораздо более понятным.

Вот пример с Первой мировой. Там, где она началась, там были совсем разные соотношения и размышления о том, что борьба за сферу влияния и прочее — это примитивный взгляд примитивных экономистов. Не только это! Были обстоятельства, которые влияли на конкретных людей, которые всё это начали. И эти обстоятельства могли иметь совершенно персоналистский характер. Если этого не учитывать, для нас будет загадкой, почему началось то, почему началось это. Люди! Но для того, чтобы объяснить это с научной точки зрения, у нас, к сожалению, нет возможностей. Почему? Потому что мы не можем ответить на вопрос: почему данный человек сегодня таков, каков он есть, что к этому привело? Для того чтобы ответить на этот вопрос, нам надо начать изучать этого человека с момента его рождения. Нам надо угадать сегодня, что с ним будет через 20, 40 и 50 лет. Это невозможная задача по той простой причине, что у нас нет технологических и прочих возможностей понять и объяснить действия человека сегодня, в данный момент, поскольку мы не знаем его истории. Поэтому мы и начинаем оперировать вот такими ненаучными категориями, которые мы сегодня слышали.

Фантастика, которую мы сегодня слышали, она, конечно, очень занимательна, очень познавательна, но её предсказательная и объяснительная сила примерно такая же, как у меня по отношению к микробиологии. Я не знаю там ничего. Поэтому если я что-то начну предсказывать по поводу микробиологии, вы меня не слушайте. Так вот это верно по отношению к так называемой политической науке, которая пытается что-то объяснить и что-то предсказать, опираясь на макропонятия, лишённые операциональности, то есть опираясь на фантастику и менее всего опираясь на конкретных людей, которые что-то делают или хотят сделать. И именно из людей выводить некие объясняющие конструкции. Нет, наука политическая этого не делает. С чем я её, конечно, и поздравляю, поскольку у неё открываются широкие горизонты для нормального развития, близкого к направлениям развития науки. Спасибо.

А.Н. Привалов

Спасибо, Виталий Леонидович! Вы заодно угробили историю, потому что обозвали абстракциями государство и народ, а истории как-то возвращаться к истории королей трудно. Но даже этого вы не советуете, потому что и короля же мы должны исследовать с момента зачатия. А хрен его знает, кто его там зачинал!

В.Л. Тамбовцев

Мы не должны, нам нужно было бы, но мы этого не можем.

А.Н. Привалов

Это трудно! Трудно! Нужно бы, да, да, да.

В.Л. Тамбовцев

Не надо!

А.Н. Привалов

И слава богу! Пожалуйста, Максим Леонидович Перов, прошу вас!

М.В. Перов, *научный руководитель ИТП «Урбаника», профессор МААМ (Международная академия архитектуры)*

Спасибо. Впервые выступаю в таком «империалистическом» окружении, но это интересно. Я несколько удивлён, что такое гуманитарное наполнение всех сообщений — антропоцентризм. Но, разговаривая про империю, я представляю себе невозможным не говорить про экономическую составляющую. И в моём представлении, — я не экономист, я градостроитель, но тем не менее соприкасаюсь с экономикой, — это было, наверное, определяющим и важнейшим фактором.

Та же Римская империя после завоеваний на что жила? Это дотационный регион, грубо говоря, в нашей сегодняшней терминологии. Рим не воспроизводил свою экономику. Рим жил на иберийском серебре, которое постоянно доставлялось в Рим, собственно говоря, на хлеб, зрелища и так далее. Когда серебро закончилось, экономика начала плавно разрушаться. Это начало конца Западной Римской империи?

Смотрим дальше. Голландию не берём. Вот Англия — очевидно совершенно, и лидер, и главный бенефициар первой промышленной революции, и только на этом возникла Британская империя. Я прошу прощения, здесь не очень-то и много было идеологической составляющей. Она появилась потом в виде надстройки. Но именно лидерство в промышленной революции позволило всё это сделать.

Вторая промышленная революция. США — эта империя возникла именно на этой промышленной революции. Кроме лидеров, есть, конечно, ещё и другие страны. Та же самая Германия великолепно включилась во вторую промышленную революцию. Экономика требовала рынков.

М.Л. Перов

Я могу сейчас говорить грубовато, спрямлено, но, мне кажется, что экономическая составляющая, экономическая мотивация развития империй играла и играет очень важную роль, не менее важную, чем идеологическая. Соответственно, империя вряд ли может развиваться, она будет затухать, не имея, не используя соответствующую времени экономическую модель.

Россия уступила догоняющую индустриализацию, которую начали Столыпин с Витте. Этот период прошёл спешно, закончился, а в новую Россия не вступила, и по нашей экономике сейчас это, в общем-то, видно. В этом смысле для развития империи либо царства, конечно, экономика, на мой взгляд, играет первейшую роль.

А.Н. Привалов

Спасибо. Давайте вопрос.

В.Л. Тамбовцев

Вопрос очень прост. А как вы объясните, что некоторые империи гробят свои экономики, сознательно их уничтожают?

М.В. Перов

Империя — штука инерционная, она гибнет долго. Но это не отменяет направление её к падению, если гробить сознательно свою экономику.

В.П. Мазурик, ~~доцент кафедры японской филологии ИСАА (МГУ имени М.В. Ломоносова)~~

Как филолог не стану спорить о специальных терминах, понимая большую разницу между номинальной терминологией и прикладными эмпирическими понятиями, которые породила сама практика, по русской поговорке: «Хоть горшком назови, только в печь не сажай».

В.П. Мазурик

Хочу ответить на вопрос Рустама Эвриковича относительно национального государства, понимая его, видимо, как этническое, ибо речь не идёт о современной нации с общим экономическим и культурным пространством и т.д. Японцы, например, считают себя моноэтническим государством, что не совсем справедливо, поскольку, хотя аборигенов своих они либо давно истребили, либо оттеснили, как айнов, в северные резервации для показа туристам, — на самом деле любой этнолог скажет, что северо-восточные японцы, кантосцы (Токио, Иокогама и т.д.), и юго-западные, кансайцы (Нара, Киото, Осака и т.д.), — это два совершенно разных антро-пологических и культурных архетипа, с разной ментальностью и системой ценностей. При этом, конечно, у них есть и общие черты, которые не подвергались влиянию внешних завоевателей.

Повторяю: не рискну давать обобщённое определение империи, довольствуясь несколько расплывчатым представлением о том, что это некое государственное образование, которое обладает достаточной мощью — политической, военной, экономической, а также пассионарностью и культурным кодом, достаточно крепким, для сохранения определённой доли суверенности в течение определённого времени на определённом пространстве Земли в геополитических противостояниях. Здесь не обойтись просто нейтралитетом, как особенно ясно в сегодняшнем политическом мире. Видимо, это было невозможным даже в прошлом, когда отношения между странами были не такими тесными.

Одним из важнейших признаков империи является готовность подчиняться общей системе законов, сформированных лишь отчасти традицией, но также и

одномоментной реформой, подводящей общую базу для изменившихся условий жизни или быстрого объединения различных этносов в единое государство. Таковы законы Хаммурапи, Ману, римское право, кодекс Наполеона и т.д. Везде заметно желание заменить правила традиционных общин универсальными установками.

У некоторых народов, например японцев и русских, этот процесс происходит значительно медленнее, притом что и они признают верховенство империи, не спеша, однако, разрушать согласие внутри общины. Возможно, именно поэтому японский историк и писатель Сибя Ретаро (1923 — 1996), объясняя феномен быстрого распространения русской цивилизации в Сибири, видел причину в том, что она, как и империя Чингисхана, в отличие от Китая, не диктовала жёстко культурные стандарты. Думается, этому способствовала и концепция соборности как единства через разнообразие (как в хоровом вокале). О том, насколько глубоко это вошло в русскую ментальность, свидетельствует эпизод в «Записках из мёртвого дома» Достоевского. Когда некоторые из каторжан отказывались использовать за столом общую посуду, остальные нисколько не обижались этому, поясняя, что «это у них религия такая». А ведь речь идёт о модели особенно тесного общежития! На этом принципе, как мне кажется, довольно многое держалось в многонациональной Российской империи.

А.Н. Привалов

Спасибо большое. Милости прошу, Наталья Ивановна!

Н.И. Иванова, *руководитель научного направления отдела науки и инноваций ИМЭМО РАН, академик РАН*

Я в развитие нескольких таких тезисов, и скорее метафорически, чем научно-политологически. Я не политолог, я экономист, но в данном случае буду говорить о личных впечатлениях.

Н.И. Иванова

Мне показалось, что оба доклада объединяет мысль некоего общего оправдания, что ли, и поиска исторического такого контекста того, что происходит сейчас в отношениях России с Украиной. Действительно, здесь споры Изборского [клуба] и Никитского [клуба]. Кто победит — история рассудит. Но меня беспокоит совершенно другое.

Меня беспокоит высказывание о том, что империя — это месть за какое-то причинённое зло. И постоянное цитирование Бродского: «Если выпало в империи родиться, лучше жить в глухой провинции у моря» — мы обычно представляем себе, что это где-то Одесса, Крым. А у нас есть ещё Владивосток, который, я напомним, Российская империя получила в результате опиумных войн. А сейчас ведь Китай беспокоит не только Тайвань, но и те приобретения, которые в том числе Российская империя и весь Запад получили в результате этих опиумных войн. И этот вопрос стоит на повестке дня. А я ещё хорошо помню Приморский край, который весь назывался по-китайски. Там просто были одни китайцы. Моя бабушка родилась в китайской деревне.

Мы так беспокоимся за Тайвань или, наоборот, так сочувствуем Тайваню, в известном смысле сравнивая с Крымом. Но у нас на повестке может быть совершенно другой вопрос. И здесь вообще ни Украина, ни весь европейский опыт ни при чём. Правда, здесь мы услышали, что наш азиатский путь более мягкий, и взаимоотношения с Китаем могут сложиться как-то нормально. Но, судя по тому, что мы сейчас слышим и что мы видим, — в Приморском крае по-прежнему, что называется, всё именуется на русском, но все едят китайское, носят китайское, производят на китайских линиях. И вот меня это беспокоит больше. А этого нет вообще в нашем дискурсе. Я просто хотела к этому привлечь внимание. Спасибо.

А.Н. Привалов

Спасибо большое. Вы совершенно правы.

А.С. Горелик, *эксперт по международным организациям*

Отличная дискуссия. Империи вечные, это мы уже договорились. Я сейчас вспоминаю любимую когда-то мною киносерию «Звёздных войны», там империя контрактует — «The Empire Strikes Back», это может что-то нам напомнить. Но, пожалуй, избранный двумя докладчиками взгляд на «имперскость» отдаёт некоторой архаикой. Я бы предпочёл рассматривать взаимоотношения государств в современном мире не с позиций имперскости, антиимперскости, как угодно, а через призму соревновательности и конкурентоспособности.

Материалы, с которыми я знакомился, готовясь к заседанию, в большей степени отражают западоцентристский взгляд. Но поскольку в Клубе ведутся научные или околонучные дискуссии, это не анафема. Вот, например, совсем свежий, сентябрьский, доклад американского исследовательского центра RAND, обслуживающего прежде всего правительство в Вашингтоне и Пентагон. Попробуем пока вынести за скобки данное обстоятельство и взглянем на основные выводы, касающиеся конкурентоспособности.

Главный вывод, пожалуй, состоит в том, что конкурентоспособность определяется не только и не столько расходами на оборону и состоянием вооружённых сил конкретного государства, сколько основными характеристиками общества. Их (не забудем, что

это RAND) учёные насчитали семь. А именно: амбиции (или воля) того, что можно назвать нацией; чёткая национальная идентичность; наличие общих для разных индивидуумов возможностей; проактивное государство; работоспособные институты; склонное к познанию и адаптации общество, и, наконец, разнообразие и плюрализм.

При этом наилучшие шансы на успех имеют те государства (немного туманный для нас термин *nations*), у которых упомянутые характеристики присутствуют в некоем равновесии. Ибо, скажем, если амбиций или плюрализма слишком много, они превращаются в слабость. Заметим, что есть вдобавок ещё некоторые факторы, не имеющие отношения к характеристикам самого общества, которые влияют на конкурентоспособность. В частности, интенсивность внешней торговли страны или её вовлечённость в глобальный обмен идеями.

Таким образом, синергия вышеназванных семи характеристик способна создать большую кумулятивную конкурентоспособность, чем просто сумма всех слагаемых. Напротив, если какое-то государство не находится на подъёме, то одни из данных характеристик начинают ослаблять другие.

Указанный концептуальный очерк очень даже можно критиковать. В том числе потому, что перед нами взгляд «с Запада». Всё же стоит добавить, что и в наших палестинах такой угол зрения по разным причинам остаётся полезным. Прежде всего потому, что сами международные отношения традиционно выстроились как евроцентричная сфера исследований, и наш с вами понятийный аппарат испытывает воздействие истории и опыта (западно)европейских стран и США. Как следствие — культурно-цивилизационные перспективы, выходящие за пределы западной практики, мало присутствуют в нашем багаже идей.

Китайцам это активно не нравится. Я с удовольствием читаю их некоторые действительно умные статьи политологов, историков. Они говорят, что нужно пересмотреть весь подход к международным отношениям. И правильно, наверное. Им не нравится веймерский принцип, который лежит в основе вроде бы, формально говоря, взаимоотношений государств до сих пор. У них есть свой взгляд на мир. Есть Поднебесная, есть варвары, которые окружают Поднебесную. Поднебесная может, мило стиво принимая от них какие-то дары, допускать в свой синоцентричный мир.

Вывод таков. Главные черты двух систем взглядов. В вестфальской системе упор делается на формальном равенстве государств и политике баланса сил (но поскольку одни животные более равны, чем другие, то трения и конфликты между странами — обычное дело). В китайской же картине мира есть формальное неравенство между государствами и их довольно чёткая иерархия.

России явно не подходит *Rex Americana*. Подойдёт ли ей *Rex Li*, нам, видимо, предстоит довольно скоро выяснить.

А.Н. Привалов

Кто ещё хотел бы высказаться? Прошу, Татьяна Владимировна!

Т.В. Черниговская

История, о которой мы говорим, очень многомерная. Скажем, национальное государство Италия — чем оно национальное? То же самое можно было бы сказать и про Китай. Я клоню к тому, что есть мягкие науки, а есть жёсткие науки. Тема, которую мы сейчас

обсуждаем, включает и то, и другое. Известно, что люди, живущие в одной части Китая, которые сеют пшеницу, и люди, живущие в другой части Китая, которые выращивают рис, — имеют разные гены (это я на тему Рюрика). Понимаете, и это начинает сходиться.

Есть такая вещь, которая носит название «эпигенетика» и которая нам говорит о том, что если люди очень долго занимаются определённым делом, живут в определённой, как в нашей науке говорят, когнитивном стиле, то это начинает сказываться на их генетике. И это уже серьёзно, это не разговоры. Мы сейчас просто не можем это обсуждать серьёзно, но вот с чем связана моя мысль.

Многие прозвучавшие сегодня понятия — метафорические. Не в отрицательном смысле, а в том смысле, что они конвенциональные, мы просто договариваемся: это будем называть национальным государством, а это каким-то другим государством. Это не более чем договор. Иначе как вы это решите? В бытность поездок в Италию, ты прилетаешь в Венецию, или ты прилетаешь во Флоренцию, и не дай бог произнесёшь какую-нибудь фразу, как это принято в Риме, — тебе скажут: «Так по-итальянски не говорят». А это, между прочим, единая страна. И они по-прежнему ощущают себя отдельными группами.

Это я отвечаю профессору Тамбовцеву. То, что мы слышали сегодня, — это очень хорошая гуманитарная наука. Но это другой тип науки. Это другой тип анализа. С точки зрения жёстких наук (если вообще такая точка зрения здесь применима) анализом это не назовут. Но это не значит, что это так. Это наука, и серьёзная наука. У неё просто другие принципы.

Я говорю об этом, поскольку сама бежала из филологии (лингвистика — моё первое образование) в нейронауку. Мне страшно не нравилась невозможность ничего доказать! Одному нравится Шелли, а другому не нравится Шелли. Да гори оно огнём! «Что это за наука? Это салонные беседы». Но это ведь не так! У них просто другой метод. И я совсем сейчас так не думаю, как думала, когда убежала в другие науки.

Большое спасибо героям сегодняшнего заседания! То, что вы говорили, очень интересно. Разумеется, оно вызывает и протесты, и комментарии, и возражения, и согласие. Да так вся наука строится, что ж тут удивляться!

Завершу я тем, что вычитала в дневниках Эйнштейна. Он пишет: «Воображение сильнее знания, потому что знание фиксировано, ограничено». Вот сколько знаем, столько знаем. Может быть, завтра узнаем больше, а послезавтра ещё больше. А воображение этими рамками не связано, и поэтому оно делает прорывы на вот этих мягких полях. Интересно, что это правило действует отнюдь не только, и даже не столько, как ни странно, в гуманитарных науках. А если почитать про Нильса Бора, вообще весь большой список, то что мы там видим? Там эти «мягкие подходы» и являются основой открытий, причём открытий глобальных, огромных.

Это говорит о том, что мы не должны недооценивать нашу способность такого неалгоритмического мышления. Оно несколько не менее сильное, чем всё цифровое. Спасибо.

А.Н. Привалов

Спасибо, Татьяна Владимировна. В пандан вам не могу не припомнить старинный анекдот про великого математика Гильберта. Его спросили про какого-то из его учеников, что с ним случилось. Он сказал, что он стал поэтом, для математика у него не хватило фантазии.

Т.В. Черниговская

Вот, вот, вот! Вот это вы очень важную вещь сказали. И это не художественные украшения к нашему такому очень серьёзному докладу. Это важные вещи. Они по-настоящему важные.

А.Н. Привалов

Теперь предоставляю слово для итожащих реплик нашим уважаемым докладчикам. Николай Юрьевич, прошу!

Н.Ю. Силаев

Большое спасибо за вопросы и комментарии. У меня, возможно, не будет цельного ответа. Он будет состоять из нескольких пунктов.

Первое не имеет прямого отношения к теме нашей сегодняшней беседы, но об этом вспоминали довольно часто. Я просто хотел бы отметить, что в Китае на уровне конституции зафиксирована многонациональность страны. Они в этом смысле ученики Советского Союза и советской национальной политики, хотя, конечно, без тех ошибок, которые были сделаны в советской национальной политике.

Второй пункт. В нашем сегодняшнем разговоре «Что есть империя?», мне кажется, самое важное — это прочертить различия между государством вообще и империей в частности и (здесь я реагирую на прозвучавшие комментарии) между государством и властными механизмами вообще. И, наконец, между властными механизмами и свойствами человека как вида вообще. Человек как вид довольно агрессивен. Человек как вид в то же время склонен сотрудничать. И вся история человеческих институтов, человеческих организаций, — это попытка каким-то образом эти свойства примирить и каким-то образом оба эти свойства поставить себе на пользу.

Третье. К счастью, я не имею никакого отношения к политической науке. По должности я международник, по образованию я историк, по многим статьям, скорее, социолог, поэтому мне легко и приятно слушать инвективы в адрес политической науки.

А.Н. Привалов

Особенно после того, как их начал Путин, да?

Н.Ю. Силаев

Да. Я только одну вещь отмечу. Деление человеческих интеллектуальных занятий на науку и не науку по мере исследований становится всё более и более условным. Потому что сначала появился Кун со структурой научных революций. Потом появился Латур, который препарировал биологов, которые в это время изучали бактерии. И в итоге всё очень сильно запуталось. И, может быть, в рабочем определении, наука — это язык, на котором какие-то истории рассказываются по разным правилам.

Это связано с четвёртым пунктом, о котором я хотел сказать. Если некоторые рассказы из бунинского цикла «Тёмные аллеи» переписать так, чтобы они уложились в один абзац, получатся тексты, которые вполне подошли бы в памятный по 90-м годам

подвал на первой полосе «Московского комсомольца». Тогда там помещали криминальную хронику. О чём это говорит? Это говорит о том, что человек склонен рассказывать истории.

Можно говорить об истории человечества как о действии индивидов, но это иллюзия, потому что на самом деле человек именно потому и человек, что в силу своей способности к сотрудничеству создаёт коллективы и организации. Создаёт он эти коллективы и организации, рассказывая истории в том числе. Это до того, как есть экономика, до того, как есть право. До этого есть какая-то история о себе, о своих товарищах по этому коллективу и так далее. Национальное государство — это история, рассказанная нацией самой о себе.

И пятый пункт, последний. Да, конечно, оправдание, объяснение того, что происходит на Украине. Я от этого и не отрекаюсь ни капли, полностью с этим согласен. Наши студенты в последних числах февраля — первых числах марта побухтели, конечно. У них были разные настроения, но они и бухтели. Они согласились на одной простой мысли: хуже войны бывает только проигранная война. Мир стал гораздо более опасным местом, чем он был 10 или 20 лет назад, это действительно так.

Я считаю, что хотя наш вклад, вклад России, в то, что мир стал более опасным местом, тоже есть, но мы не те, кто этот процесс начал. Мы не те, кто начал его делать более опасным. И раз он оказался более опасным, то позиция типа «а давайте мы вернёмся в тот безопасный, казалось бы, мир, который был 10 лет назад» — эта позиция не вполне рациональная. Эта позиция вполне бесплодная. И поэтому да, я не согласен с тем, что мы должны объяснять то, что происходит на Украине, так же как и историю империи путём сведения её к простейшим человеческим инстинктам.

Если мы хотим в этом опасном мире жить, мы должны рассказывать свою историю, которая будет более захватывающей, чем чужие истории. И поэтому я очень благодарен Рустаму Эвриковичу за рассказанную сегодня историю об империи, которая объясняет, где мы, что мы делаем, зачем мы делаем. Я хотел бы подчеркнуть: это больше, чем метафора. И это больше, чем научная фантастика. Это то, что организует и будет организовывать наше политическое существование. Это не значит, что то, что говорил Рустам Эврикович, станет государственной идеологией или чем-то вроде того. Но в конечном счёте обретение более безопасного состояния для нас для всех в том числе связано с теми историями, которые мы друг другу рассказываем.

Большое спасибо.

А.Н. Привалов

Спасибо. Рустам, прошу вас!

Р.Э. Рахматуллин

Поскольку Николай Юрьевич 24 февраля сам опубликовал пост о том, что провёл несколько лет в рабочей группе Минских соглашений, то перед вами дипломат-практик, который несколько лет боролся за мир дипломатическими средствами.

Дальше буду белый, но не пушистый. Я тоже не знал, что представляю политическую науку. Себя определяю страноведом, первоначально — градоведом. Всякой гуманитарии легко отказать в научности. Если бы здесь сидел отец Иоанн Мейендорф [богослов, протопресвитер Православной церкви в Америке] и вдруг сказал бы:

«Римскую империю создал не Август, а Христос», — наверное, ему бы ответили: «Ну, это не наука». Богословским наукам тоже можно отказать в научности. Между тем, Мейендорф мог бы сделать сообщение на тему «Что есть империя?» исключительно на языке богословия.

Вместе мы пытались определить империю на языке страноведения. Например, Япония, которая кажется национальным государством, является империей, возглавляется императором. Мне было интересно услышать подтверждение этому. Она оказывается империей «в себе», а не потому только, что наступала на соседей.

Если уж говорить о научности, то признак научных семинаров — отнестись к докладам в терминах «да» / «нет». Было предложено определение империи. Полагаю, на выходе мы могли бы решить, «да» или «нет». Во всяком случае, как-то отнестись к формулировке. Или было предложено назвать национальное государство, которое сегодня не является проимперским. На выходе мы не получили ни одного такого примера. Ну, это результат, конечно. Был предложен целый ряд терминов, автор над ними подумал — «научно» было бы их оценить. Но это так, на полях.

Поддержу Николая Юрьевича в том, что нужно различать империю и государство вообще, когда мы говорим об округлении границ или о законотворчестве. Всё это свойства государств вообще, а не только империй. Хотя, конечно, имперское законодательство, скажем Юстинианово, носит универсальный характер, как и вообще римское законодательство. Но всё-таки сегодня мы искали исключительные свойства империи.

Мне совершенно не близко выведение империй только из пассионарности персон. Начал сообщение с того, что императоры, султаны, шахи, великие князья, цари — скорее функции имперского народа, чем наоборот. А не так, что встал некто и сказал: «Я буду потрясателем Вселенной!» — и потряс. Так не может быть ни с позитивистской точки зрения, ни с метафизической. Да, после Чингисхана империя распалась. Распалась, да не закончилась.

Но как можно вывести Германскую империю с центром в Берлине из умонастроений Берлинского университета?! Это константы, идущие от Карла Великого¹ через Оттона Великого² через века до обрушения этой конструкции Наполеоном, через возрождение в форме Австрийской империи, трансформацию в форме Австро-Венгерской, приход Бисмарка, раздвоение между Веной и Берлином. Рост имперства с центром в Берлине — это «трансляция империи», термин из гуманитарных наук. Трансляция из старого германского центра в новый, притом что до окончания Пер-вой мировой войны сохранялось двоецентрие. И всё это приключения Западной Рим-ской империи в германской версии. И от того, что кто-то в университете Берлина во второй половине XIX века что-то надумал, уверяю вас, империя не родилась. Это у нас, скорее, родилось бы что-нибудь от ветра головы Берлинского университета.

¹ Карл Великий — император Запада с 800 года, «Отец Европы», впервые после падения Римской империи объединивший большую часть Западной и Центральной Европы.

² Оттон I Великий — герцог Саксонии в 936—961 годах, король Германии с 936 года, император Священной Римской империи с 962 года, король Италии с 961 года. Во время его правления была основана Священная Римская империя.

Далее, мне не близка мысль о том, что империя — это всегда прагматика под маской идеалов. Не согласен, что люди круга Достоевского говорили о проливах прагматически. И что они хотели чего-то для себя.

Твёрдо помню, как в 1999 году народ вздрогнул от бомбёжек Белграда. Помню позор, когда ржавая разведывательная посуда с трудом выплыла из Севастополя, а Ельцин склонился над стратегическими картами. И помню гордость за бросок в аэропорт силами нашего миротворческого контингента. Это не рацию, это символические, идеалистические действия. Весь народ вздрогнул от этих бомб, и массовое западничество девяностых рухнуло, осталось элитарное. Думаю, что и консервативная элита вышла из бомбёжек Белграда. Это был имперский импульс, малорацио-нальный в смысле практических возможностей.

В заключение прокомментирую несколько реплик, вероятно, из либерального лагеря, удивляющихся существованию консервативного лагеря. Друзья мои, если есть Карамзин, зрелый Пушкин, Гоголь, Тютчев, Достоевский, ещё очень длинный-длинный ряд, то давайте считаться с этой традицией как с фундаментальной. И спросим себя, столь же ли фундаментальна русская либеральная традиция?

Позвольте поблагодарить всех за внимание, вопросы и выступления. Спасибо.

А.Н. Привалов

Спасибо, Рустам. Действительно совершенно непущистое завершение. Хотя, прямо скажем, у тех ребят тоже есть список славных имён, никому не стыдно показать. Но сейчас не об этом.

Государи мои, ещё раз спасибо нашим докладчикам, нашим очным и заочным участникам. На мой взгляд, мы сегодня замахнулись на совершенно неподъёмную тему. Не потому неподъёмную, что она сугубо метафорична, по словам одного из наших сегодняшних выступавших, а потому что она действительно очень велика. Этого слона мы сегодня не ощупали. И тут вопрос в том, что я практически во всех выступлениях слышу, слышу исторический материализм, чтоб он проки! Это всё в нас впахали так, что оно прёт даже через 30 лет, и это невозможно остановить! Почему соловей поёт, как сказано у бессмертного Зощенко? «Жрать хочет, оттого и поёт»¹. Вот это прямо так и лезет!

И это, несомненно, правда. Но этого мало, и это не очень интересно. Абсолютно понятно и, главное, чистая правда, что существеннейшим фактором начала Первой мировой войны, от которой всё потом и пошло, вот этого главного несчастья европоцентричного мира, — что одной из главных причин был, конечно, германский милитаризм. Ну очевидная правда! И, конечно, они требовали своей доли при разделе мира. Всё это так. Ребята, кто читает по-немецки, есть и по-русски, откройте «Размышления аполитичного», написанные будущим великим пацифистом Томасом Манном. Они вышли в 1915 году. Откройте и почитайте. Какой там, к чёртовой матери,

¹ Лизочка простодушно допытывается у своего поклонника:

— Вася, как вы думаете, о чём поёт этот соловей?

На что Вася Былинкин обычно отвечал сдержанно:

— Жрать хочет, оттого и поёт.

(М. Зощенко. О чём пел соловей.)

передел мира! Там спасение человеческого духа! И это не пропаганда, за которую заплатили три рубля из имперской канцелярии. Это то, что очень большой писатель искренне думал.

Такого рода текст мы можем найти во всех вступавших в войну странах, где были люди такого калибра. Они ведь были везде. Другое дело, что не везде мы найдём такой текст, который вышел немедленно у нас — насчёт того, что «Петроградское небо мутилось дождём...» [А. Блок]. Это, может быть, не везде мы прочтём. А вот насчёт того, что именно мы спасаем человеческий дух, именно мы спасаем человеческую культуру, — было везде! И это было искренне. И потому, собственно, то, что мы называем империей, — мы сегодня выяснили, что мы плохо понимаем, что мы называем империей. Империи и выросли во что-то принципиально важное в ходе великого нарратива человеческой истории. В них было что-то, кроме «жрать хочет». Если бы не было, ну были бы империи такими же полезными, но недолговечными приспособлениями, как какие-нибудь треноги для мушкета. Про них было бы неинтересно разговаривать. А разговаривать про них интересно, что мы сегодня и наблюдаем.

А так, ну что? Мы вернулись в большую историю со всеми её плюсами и со всеми её минусами. В ней теперь и живём.

Спасибо!

Никитский клуб

Цикл публичных дискуссий
«Россия в глобальном контексте»

Выпуск 119

«Что есть империя?»

Редактор выпуска *Наталья Румянцева*

nikitskyclub@moex.com

www.nikitskyclub.ru